

18+

СТАНИСЛАВ ГИМАДЕЕВ

Ш
П
И
О
Н

Станислав Гимадеев

Шпион

«Издательские решения»

Гимадеев С.

Шпион / С. Гимадеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960857-4

Представьте! Я попал в такой замес, что и домой не сунуться. А тут случай подвернулся — перекантоваться в одном особняке. Да еще и заработать, не выходя за территорию! Да, задание хозяина секретное, но где наша не пропадала? В особняке под домашним арестом торчит один придурок, который украл у хозяина важную вещь. Я должен втереться в доверие к этому типу и вернуть украденное. Эх, знать бы заранее, кем окажется арестант и в какую сумасшедшую игру меня втягивают... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960857-4

© Гимадеев С.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	10
3	13
4	18
5	22
6	26
7	31
Часть 2	36
8	36
9	39
10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Шпион

Станислав Гимадеев

© Станислав Гимадеев, 2026

ISBN 978-5-4496-0857-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

ДВОЕ ИЗ ЛАРЦА

1

Первое, что я увидел сквозь кровавую пелену, было лицо Вики.

Ее круглые глаза, не мигая, смотрели на меня. В них сквозил животный страх. Вика поняла, что я очнулся, и отчаянно замычала, но криво наклепленный на губы скотч проглотил ее возглас словно глушитель выстрел.

Висок и бровь страшно ныли после удара. Я покрутил головой, но не смог дотянуться до плеча, чтобы стереть с века кровь. Напряг плечо, тоже тухляк — руки были стянуты жгутом за спинкой стула. Я облизнулся, ощутив солоноватый привкус, мой рот оказался не заклеен. Видимо, Санчо решил, что раз я без сознания, то орать не стану.

Вика сидела на стуле напротив со связанными позади спинки руками. Таращилась на меня и все судорожно сглатывала. Мой залитый кровью глаз щипало. Осмотреться пришлось вторым. Кутузов, блин.

В подвале был только Санчо. Он медленно, смачно курил шагах в десяти, пуская дым под потолок. Потирал, сволочь, правую кисть. Я подтянул ноги, стул подо мной скрипнул, и Санчо повернулся. Втоптал окуроч, схватил бутылку воды с пола, отхлебнул. Подошел и присел передо мной, горилла такая. Вика в отчаянии пискнула сквозь скотч, но он и ухом не повел.

— С возвращением, — осклабился Санчо. С его горилловой челюсти капало.

— Дай воды... — проронил я.

— А за шаурмой не сбегать?

— Бить-то зачем было?

— Для надежности. — И сплюнул мне на кроссовки.

Я хотел было спросить, что же теперь будет, но вовремя вспомнил, что Санчо ничего не знает и не решает. Не уровень горилл.

Санчо взглянул на часы и вытащил мобильник. Быстро набрал сообщение.

— Ну дай воды, — сказал я. — Чего как этот...

Он сделал мощный глоток и резко выплюнул струю воды мне в лицо. Глаз слегка промыло, и окрашенная красным вода стекла мне на футболку.

— Ловить надо было, — хмыкнул Санчо. Животное.

Его мобильник пиликнул сообщением.

— Ну вот, — как-то зловеще произнес он и похлопал меня своей килограммовой лапой по щеке.

Спрятав мобилу, он вынул нож. Медленно так, ухмыляясь. Вика замычала, засучила ногами. Санчо ее в упор не замечал. Он зашел мне за спину и перерезал жгут.

— Встал, — приказал он.

Я поднялся, меня шатнуло, но Санчо удержал. В голове еще звенело.

— Перестарался, — сказал Санчо, почесывая лысину. — Но идти можешь. Не дури только, Тёма. Вальну без предупреждения.

Он вытянул из-за пояса пистолет и подтолкнул меня стволом в сторону лестницы. Я снова поймал взгляд Викиных круглых глаз.

— А она?.. — сказал я.

— По одному, по одному. Ты же знаешь Будду.

— Что... с ней будет?

— Ты лучше за себя переживай, — посоветовал Санчо и легонько ткнул меня стволом в лоб. — Шевели помидорами.

Мы двинули к лестнице, и я напоследок обернулся. Вика сидела как-то обреченно глядя под ноги, и по ее щекам текли слезы. Дура душой все-таки. И себя и меня подставила. Но все равно жалко.

На верхних ступенях я обернулся к Санчо.

— Ты понимаешь, что это глупость? Откуда мне было знать...

— Чего ко мне прикопался? — поморщился Санчо. — Будде мозг засирай, а не мне. Мне вообще по фигу, что у вас там было. Топай, чего встал?

Он вытолкнул меня с лестницы в какой-то коридор. Потом мы прошли сквозь прихожую в гостиную. Огромную, светлую, всю в серо-голубом мраморе.

Щуплая фигура Будды наподобие торшера торчала посреди комнаты. Он замер возле огромного кожаного дивана, засунув руки в карманы брюк. Медленно развернулся на звук шагов, склонил голову набок и стал похож на грифа-стервятника.

Санчо тормознул меня в паре шагов от босса. Будда пожевал тонкими губами, помял ладонями морщинистое лицо и опустил на диван, воззрившись на меня снизу вверх.

— Я тебе доверял, — сказал он и закинул ногу на ногу.

— Будда... — В горле у меня пересохло, а мысли наезжали одна на другую. — Это недо-разумение!.. Реально!

— Доверие — это главная ценность. Знаешь?

— Не знал я, что Вика — твоя телка! Клянусь! Почему она не сказала?! Я бы ни за что...

— Хочешь свои грехи на бабу свалить? — Будда вскинул бровь.

— Какие грехи, Будда! — Я шагнул к нему, но Санчо рванул меня за ворот обратно. — Говорю же, не знал... У ней же не написано на лбу!.. Мало ли кто в кабаке притащится?

Будда прикрыл свои стервятниковые бледные веки. Молчал. Уж не приговор ли готовил?

— Что мне справки наводить, — затараторил я, — обо всех телках, которые глазки строят с бутылки «шампуня»? А не твоя ли это собственность, типа?

— Все, кто работают в моих заведениях — моя собственность, — процедил Будда. — И ты тоже.

— Она не говорила, что там работает! Я думал, залетная телка. Выпила и ищет приключений. Никто не носит бэйджиков с надписью «Собственность Будды»!

— Дерзишь, — сказал Будда.

— Хоть бы сказал кто!.. — Я отчаянно защищался. — Стопудово, в баре были те, кто знал, про вас с Викторией. И ни одна сволочь не предупредила!

— Где познакомились? — спросил Будда, сцепив пальцы рук на колене. — В офисе, небось?

— Какой, в жопу, офис?! — выпалил я. — Будда, я на работе работаю! У меня в офисе дел по горло, ты же знаешь.

Гриф-стервятник молчал, сверлил меня бесцветными своими глазами. Только бы печень не выклевал.

— Это случайность, — сказал я.

— Я в них не верю.

Тут снаружи послышался шум подъехавшей машины. Будда кинул непонимающий взгляд на Санчо, и тот, пожав плечами, прыгнул к огромному окну, выходящему во двор.

— Это правда, Будда! — воскликнул я. — Я не виноват! Почему я-то стал крайний?

— Ты не крайний, — ледяным тоном сказал Будда. — Ты мертвый. Почти.

— Да за что?.. — произнес я, цепенея. — С какого перепуга...

— Цыц! — осадил Будда и спросил Санчо: — Кого там нелегкая принесла?

— Бершин, — ответил Санчо. — Но он не назначал. Странно. Может, что срочное?

Будда встал с дивана, помял тощую шею, размышляя. В дверях раздался звонок.

— Санек, уведи Тёму в ту комнату, — Будда показал по коридору. — На ключ закрой, а сам возвращайся. Мы с Вадимом быстро перетрем. — Он приблизился, окидывая меня взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. — И продолжим наш народный суд. Самый справедливый суд в мире.

Звонок в прихожей повторился. Будда хрустнул пальцами и направился к входной двери.

Я открыл было рот, но Санчо дернул меня так, что челюсти мои лязгнули, и я чуть не прикусил язык. Он вытолкал меня в смежную комнату, прикрыл дверь. Усадил меня на пол.

— Тебе пасть заклеить? — спросил Санчо, покачивая перед моим носом пистолетом. — Или ты не даун, чтобы усугублять?

— Не надо. Куда я денусь?

— Точняк, Тёма. Сиди тихо и не дыши.

За стенами бубнили, Будда уже провожал приехавшего в гостиную. Санчо шагнул к двери.

— Санчо, — остановил я его. — У меня... есть шанс?

На несколько секунд горилла замерла, шевеля складками на могучей шее, затем вышла. Заперла дверь, лязгнув в замке ключом.

Я тяжело вздохнул и осмотрелся. Какая-то комнатуха с непонятным назначением: не то гостевая спальня, не то еще что. Окна выходили во двор, где под ветвями старого клена чернела «бэха» гостя.

Нормальный расклад. Грохнут сейчас почему зря. Ну скотство же, а! Эх, Вика, Вика, овца ты горная... Чем ты, дура, думала? Хотя, о чем я? Думала, как же... Я же не на размер ее мозга клюнул, это факт. Тельце у нее, что надо, тут не поспоришь. Секс был качественный. Вот и расплачивайся теперь за качество. В моем мозгу возникло видение. Голая Вика лежит на металлическом столе. Паталогоанатом сдирает с руки мокрую перчатку и сообщает стоящему рядом Будде: «Между прочим, перед смертью у нее был качественный секс». Надо что-то делать, блин, нельзя ничего не делать! Но что? Тужься, Тёма, тужься! Может, отсчет-то уже на минуты пошел...

Я вскочил и припал ухом к двери. Из гостиной доносились глухие голоса. Посетитель, которого Санчо назвал Бершиным, очевидно, расхаживал по гостиной, потому что его голос иногда становился отчетливым. «... вот, какой парень нужен! — говорил он. — Понимаешь? Смысленный и не робкий. С артистической жилкой.» — «С артистической?... — хмыкал Будда. — Запросы у тебя, Вадик...»

Я отпрянул от двери и стал нервно бродить по комнате. Остановился у окна. Проверил замок стеклопакета — створка открылась. Я осторожно выглянул, потянул носом лесной воздух. Я понятия не имел, куда нас с Викторией привезли, вытащив прямо из постели. Таких тепленьких, невинных... Я знал, что Будда обитает в нескольких домах, раскиданных по Подмоскovie, и все они были спрятаны в глуши. Стервятник шифроваться умеет. Ну куда я сбегу с его подводной лодки? Без навигатора, без мобильного... Поймают и снимут скальп раньше, чем я доберусь до трассы. Перспективы были офигенные. Похоже, последнее, что я увижу в этой жизни, будет дуло пистолета Санчо. Мрачнюк какой-то.

В голову не лезла ни одна идея. Я уткнулся лбом в дверь и слышал новые обрывки фраз. «А ко мне-то ты на кой с этим пришел?» — недоумевал Будда. «Пойми, мне больше не к кому! — говорил Бершин. — Задание-то очень деликатное. Особое доверие к человечку нужно. Чтоб не сболтнул и все сделал. Я знаю, у тебя парни с дисциплиной. Я это ценю...» Дальше забубнили невнятно, Будда продолжал удивляться, а Бершин — наседать. «За ценой не постою, гарантирую!» — «Да где я тебе найду артиста? У меня стрипклубы, а не драмтеатры, Вадик...» — «Ну хоть что-то... Подумай, я тебя очень прошу!...» — «И как срочно?» — «Да хоть сейчас... Я поеду, а ты покумекай до вечера, а? Лады?»

Голоса стали громче, Бершин и Будда шли к выходу. Я отпрянул от двери.

Сейчас этот Бершин свалит, и кранты тебе, Тёмушка. Мысль была настолько отвратительной, что внутри у меня все вскипело. Сдаться просто так? Хрена вам лысого! И тут же пришло решение — отчаянное, рискованное, нелепое... Словно кто-то внутри меня быстро его принял и тут же толкнул мое тело к окну.

Я рванул створку и выпрыгнул. Рухнул в клумбу с цветами, вскочил расшвыривая пахучие бутоны. Хорошо бы устроить ложный след... Успею ли? Побежал вдоль стены, оставляя на клумбах глубокие раны, сломал несколько цветов, чтоб бросалось в глаза. Затем отряхнул кроссовки, выскочил на каменную тропинку и сиганул к машине.

Бершин возник на крыльце через секунду после того, как я втиснулся в салон «бэхи» между передними и задним сиденьями и захлопнул дверцу. И хотя сердце молотило нещадно, и страшно было до жути, я все-таки приподнял голову и взглянул краем глаза на происходящее.

Высокий, поджарый, коротко стриженный Бершин в деловом костюме стремительно шел к машине. Санчо высунулся из распахнутого окна подводной лодки с удивленной рожей. Я пригнулся обратно, съезжившись между сиденьями.

— Что там? — крикнул ему Бершин, открывая дверцу.

Санчо что-то ответил, но не было слышно, что. Потом донесся его возглас: «Он за дом, что ли?! В сад умотал, придурок!»

Бершин постоял в нерешительности, потом залез в машину.

Купился, замирая, думал я. Купился, горилла! Будда, может быть, и не дурак, но Санчо-то полный даун, профессиональный. Только бы успеть отъехать, пока до этих скотов дойдет!

— За кем он там бегаёт? — под нос пробурчал Бершин, заводя двигатель.

Пока машина выезжала со двора, я лежал ни жив, ни мертв, в любую секунду ожидая звонка или кинувшегося на капот Санчо с пистолетом. Но ничего этого не случилось. Машина потряслась несколько минут по кочкам и выехала на шоссе. Бершин набирал скорость и увозил меня от расправы все дальше и дальше, а я лежал и улыбался во всю рожу. Наверное, это была самая глупая улыбка во Вселенной.

2

Не знаю, сколько прошло времени. Мы мчали по трассе, я лежал на полу, глядя на серую обшивку салона, в машине играла музыка. Бершин закурил сигариллу, распространяя запах вишни.

Эйфория от того, что я остался живой, быстро выветрилась. Инстинкт самосохранения уступил место мышлению, и оказалось, что вопросов целая куча. Куда меня может привезти этот Бершин, и как мне от него слинять? А ведь еще нужно было подумать, что делать, когда я окажусь в Москве. Домой не сунешься — гоблины Будды будут у хаты раньше меня. Значит, надо залегать на дно там, где им и в голову не придет меня искать. А что еще может прийти в их гоблиньи головы? И сколько времени пережить, пока Будда успокоится? Или найдутся свидетели, которые подтвердят, что я — не верблюд. Неделю, год, вечность?

«Бэха» вдруг стала сбавлять скорость и, съехав к обочине, встала. На мгновение в салоне повисла гробовая тишина, изредка прерываемая жужжанием проносившихся за стеклом автомобилей. Что это? ГИБДД? Заправка? Бершин захотел отлить? Я почти перестал дышать. Поэтому, когда надо мной возникло лицо Бершина, я даже вскрикнул от неожиданности.

Бершин ухмыльнулся.

— Какие мы напуганные.

Лицо его было абсолютно спокойно. Волевое, выбритое лицо какого-нибудь бывшего майора чего-нибудь там со звездочками. Было ему лет сорок пять. Он скользнул холодным взглядом по мне и произнес:

— Дыши, дыши, студент. И сядь уже.

Я поднялся и сел на заднее сиденье. Все внутри дрожало.

— Я тебя сразу просек, — сказал Бершин и, поймав мой затравленный взгляд, пояснил: — У задней двери следы на камнях были. У меня глаз наметанный.

Я стал лихорадочно соображать, что у этого чувака на уме. Судорожно осмотрелся — машина стояла, прижавшись к обочине.

— Если захочешь сигануть — забей, — сказал Бершин. — У меня в бардачке ствол. И стреляю я отлично. Поверишь на слово?

Я вздохнул и кивнул. Откинулся на спинку. Бершин бросил брезгливый взгляд на мою футболку в пятнах крови.

— Значит, поговорим.

— Вы не сдали меня Будде... — выдавил я. — Спасибо. Почему?

— Интересно стало. Что за перец мне в тачку забрался. — Он помолчал, осматривая мой потрепанный вид. — Кто тебе кровь пустил?

— Есть добрый человек.

— А, я его видел. Следы. — Бершин постучал пальцем по костяшкам правой кисти. —

Ну и за что он тебя?

— Сбежать хотел. Попал, блин, в замес.

— А ты отчаянный.

— Жить всем охота, — буркнул я. — Главное, я не виноват. Вот что обидно.

— Не виноват в чем?

И тогда меня прорвало. Я почему-то ему все рассказал. Сбивчиво, эмоционально, вложив в рассказ все, что накипело, все, что я думаю и про горную овцу Вику с ее овцами-подругами, и про гориллу Санчо с его скотскими методами... короче, про всю эту хиромантию минувшей ночи.

Ну зашел я сполоснуть горло после работы в один из клубов Будды — просто потому, что кабак был недалеко от офиса. Да и девки там на шестах самые сочные, если честно. Приятно

глянуть после напряженного трудового дня на их масляные тела, потягивая 12-летний скотч. Позднее приперлись эти три овцы, уже навеселе. Я еще подумал, что у них турне по кабакам. Ну то, да се. В общем, круто зажгли, особенно Вика. Она почему-то на меня пялилась все время. А стало за полночь, мы ко мне и двинули. Бухла по пути еще взяли. Покувыркались знатно, ничего не скажешь. Только уснули — тут Санчо с гоблинами и нарисовался. Скрутили нас и к Будде повезли. И какая только сука нас спалила? Нет, чтобы в клубе предупредить. Вика, мол, — безбашенная телка из гарема Будды! Я бы на эту двустволку и не взглянул, ясное дело. Нет же, смолчали, твари... Почему — до сих пор загадка. А я теперь — никто и звать меня никак.

— На Будду работал? — спросил Бершин. Я угрюмо кивнул. — Кем?

— Офис — менеджером. Плакала теперь моя работка.

— В каком именно офисе?

— А их несколько?

— Ладно, проехали. — Бершин задумчиво помолчал. — И что собрался делать, офис-менеджер?

Я пожал плечами, глядя на мелькающие за стеклом машины. Знать бы — что. Об этом я еще не успел подумать.

— До города подбросите? — спросил я. — Там и буду решать.

— Что ты собрался решать? — скривился Бершин. — Он же тебя найдет по-любасу.

— Значит, уеду из Москвы.

Бершин цыкнул языком и покачал головой.

— Всю жизнь будешь прятаться?

— Вам какое дело? — буркнул я. — Мои проблемы. Довезете или нет?

Бершин медлил с ответом, и мне это не нравилось. Что он задумал, жучара? Я взялся за ручку, открыл дверцу, и тогда он гавкнул:

— Закрой! — Я замер. Он понизил тон: — Какие мы резкие.

Я захлопнул дверцу. Бершин сверлил меня своим пронизывающим, холодным взглядом, словно у него под черепной коробкой решались судьбы мира.

— Есть предложение получше, — произнес он и снова замолк.

Я опять замер, не понимая, какой реакции он от меня ждет. Но Бершин, кажется, ничего не ждал, он просто прокручивал в голове какую-то неведомую мне комбинацию. Надеюсь, без ствола из бардачка.

— Предложение такое, — сухо продолжил он. — Ты выполнишь для моего босса одно задание. На время выполнения получишь проживание и пропитание. Ол инклюзив. А по окончании — еще и хорошие деньги. Очень хорошие.

— Что за задание? — напрягся я. — Не мокруха?

Бершин хохотнул.

— Не бойся, офис-менеджер. Обойдемся без жертв и даже без насилия. Но решай прямо сейчас.

Я медлил. Что-то внутри протестовало, будто знало заранее, что не надо соваться в эту авантюру. Да еще при странных обстоятельствах.

— Вам же артист нужен, — сказал я.

— Подслушивал?

— Орали на весь дом.

— Ты справишься, я уверен, — проговорил Бершин. — Ах да... Я еще отмажу тебя перед Буддой. Вернешься реабилитированный. Не посмертно, заметь.

— Серьезно? Это как же?

— У нас с ним давние взаимозачеты. Я пустых обещаний не даю. Ну, чего молчишь? Берешься?

Внутри у меня стала разыгрываться нешуточная буря противоречивых желаний. Бершин смотрел на меня, словно рентгеновским лучом просвечивал.

— Что за задание? — снова спросил я. — И сколько денег?

Лицо его разгладилось. Он посмотрел на наручные часы.

— Заедем куда-нибудь, похаваем, — предложил он. — Там и потолкуем.

Я пожал плечами. Бершин развернулся на сиденье и взялся за ручку переключения передач. Не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Заодно умоешься и майку новую купишь.

3

«Бэха» въехала на территорию роскошного двухэтажного особняка, окруженного каменным забором. На стоянке под солнцем грелось несколько автомобилей. Бершин на протяжении последних минут был молчалив и серьезен. Он заглушил движок и скомандовал:

— Выходим.

— Могли бы и больше рассказать, — сказал я, вылезая из машины. — Нагнали тайн, блин.

— Все узнаешь. За мной.

Бершин кивнул в сторону дома и пружинисто зашагал по аллее, окаймленной кустарником из живой изгороди. Я поспешил за ним, вытягивая голову и рассматривая территорию.

Она была огромна. По одну сторону аллеи поблескивал голубой бассейн, по другую простирался пышный сад, в котором утопала белая каменная беседка, да среди кустов торчал садовник. Кроме охранника на воротах еще виднелась одинокая женская фигура в шезлонге у бассейна. Белокурая головка приподнялась и следила за нами все время, пока мы шли к дому.

Мы поднялись по ступеням крыльца, стекло дверей бесшумно уплыло в стороны, пропуская нас в темноту дома. В полном молчании пересекли просторный холл и стали подниматься по лестнице с массивными перилами. Я в интерьерах мало что понимаю, но убранство выглядело реально дорогим. Повсюду торчали камеры видеонаблюдения.

На втором этаже мы миновали череду резных дверей и кожаных диванов вдоль стен и остановились у приоткрытой двери в конце коридора. Бершин толкнул дверь и пропустил меня с какой-то зловещей галантностью, затем вошел следом.

Кабинет хозяина особняка не уступал всему остальному. Мебель тоже была лакшари. У огромного, во всю стену, окна простирался стол, напротив окна — диван, рядом — стеклянный столик. По стенам тянулись стеллажи и шкафы. В одном из шкафов со стеклянными дверями застыла коллекция фигурок чугунных животных. Такими обычно в киношках череп проламывают. Пара кресел, минибар, все, как положено. Я прямо физически ощутил, как тут пахнет деньгами.

За столом, откинувшись на спинку кресла, вальяжно восседал владелец этих денег. Лет 60 или около того, невысок, небольшой животик, мужик с виду бойкий, седеющая шевелюра, бесстрастное, неподвижное лицо. Дорогой костюм и белоснежная сорочка с запонками — никакого диссонанса с обстановкой кабинета. Окей, едем дальше.

— Александр Ильич, — обратился к нему Бершин, показывая на меня, — это Артем. — Потом несколько величественно произнес: — А это Александр Ильич Комов.

Комов величественно вышел из-за стола, опустил на диван, величественно закинув ногу на ногу, и величественным жестом пригласил меня сесть рядом. Все это время он глядел пристально. Мышц у него на лице, казалось, не было. Как у манекена.

— Располагайся, — сказал Комов. Голос у него был властный и громкий.

— Рад знакомству, — сказал я и сел рядом.

Бершин подошел к минибару, открыл бутылку минералки, взял стакан и плюхнулся в кресло в углу, вытянув ноги.

— Что с лицом? — спросил Комов, показывая на мой пластырь на лбу.

— Прыщ неудачно выдавил.

Я натянул на лицо улыбку, но она едва не соскочила обратно.

С неким облегчением я подумал, хорошо, что Санчо не разбил мне губу. Встречу его — обязательно расцелую.

— Мне о себе рассказать? — спросил я.

— погоди ты, — отрезал Комов. — Раз Вадим тебя привез, значит, подходишь.

Он глянул на Бершина, и тот поспешно кивнул, наливая минералку в стакан.

— Вадим ввел в курс? — Непонятно, кого Комов спрашивал: меня или Бершина.

— Не особо, — ответил я. — Типа, нужно раскрутить какого-то чувака...

— Вы лучше сами, Александр Ильич, — бросил Бершин. — Напутаю еще.

— Боялся, что парень испугается и сбежит? — хмыкнул Комов, пристально поглядывая на нас обоих.

— Не сбежит, — сказал Бершин и осушил полстакана за раз. — Отчаянный малый. Третий калач. Правда, Тёма? — И подмигнул мне, жучара.

— Меня заинтересовали э-э... условия, — сказал я. — Проживание там, ну и остальное...

— погоди ты про условия, — перебил Комов, глядя мне в глаза. Будто по самому днищу души поскреб.

Я молчал. Годил, так сказать.

— Слушай и не перебивай. Вопросы после. — Комов сделал паузу, подумал. — В этом доме живет один человек. Близкий мне человек. Сейчас он под домашним арестом. Разошлись мы с ним по ряду вопросов.

Комов сделал паузу, наблюдая. Я не шевельнул ни одним мускулом, хотя чуть не издал возглас удивления. Бершин следил за нами обоими, держа стакан на груди и прикрыв веки как игуана на солнцепеке.

— Он психически... э-э, нестабилен, скажем так, — продолжал Комов. — Есть свои тараканы и дурацкие мании. Поэтому и — карантин. А не из-за наших разногласий. Я хочу, чтобы ты это уяснил. Уяснил?

Бершин еле заметно кивнул мне головой.

— Уяснил, — сказал я. — Близкий чел. Есть мании. Живет под арестом. Все понятно.

— Пару месяцев назад он еще мог покидать дом. Тогда он украл у меня одну вещь. Сумка кое с чем важным. Он ее выкрал и где-то спрятал. Видимо в доме, но не факт. Твоя задача: найти сумку. Задача непростая. Я бы даже сказал, напоминает игру.

— Квест, типа? — спросил я. — Собери пазл?

— Помолчи. Пазл — не пазл... Как получится. Я жду, что ты войдешь к нему в доверие и аккуратно расколешь. Нельзя, чтобы он заподозрил, что ты мой шпион. Тогда все сорвется, он замкнется и ничего не скажет.

Комов снова помолчал, попереглядываясь с Бершиным, продолжил:

— Залог успеха в том, что ты внедришься в домашнее окружение под видом его дальнего родственника. Ну, то есть, нашего... Ты, якобы, приехал искать работу в Москве. На недельку попросишься пожить здесь, на гостиницу, мол, денег нет. А тут места хватит. Он парня не видел лет семнадцать, ничего не заподозрит. Сколько тебе лет?

— Тридцать.

— За двадцать пять сойдет. Покрасим волосы, поменяем одежду. Зазубришь легенду, историю семьи и — вперед. Расположишь его к себе, вотрешься в доверие. Пусть выложит все свои тайны!

Комов аж придвинулся, испепеляя меня взглядом. Лицо каменное, в складках. Мне на миг стало не по себе, но я прогнал это ощущение. Знаем мы такие взгляды. Не на того напал, дядя.

— Вкратце так, — сказал Комов, и лицо его чуть разгладилось. — Решай сейчас. Готов? Потянешь? — Пауза. — Соку? Минералки?

— Соку, — сказал я и откашлялся.

Комов встал и прошел к минибару. Пока он звенел стеклом, я пытался понять, чему следовать: инстинкту самосохранения или зову денег. Да, бабла у Комова можно отжать неслабо, скупиться он не станет... Мокрухи и правда на горизонте не наблюдается. Я, конечно, за любой

кипеж, но что-то тут мне не нравилось, что-то не срасталось. Понять я не мог ни разу. Иногда мое подсознание закрывается от меня наглухо и ключи не выдает.

Я взглянул на Бершина. Жучара тоже замер в кресле, стакан в ладонях крутит и крутит. Поймал мой взгляд и моргнул глазами: мол, не очкуй, Тёма, все же обговорили по дороге. Но про квесты он, гад, не упоминал.

Комов вернулся, протянул стакан апельсинового сока. Я поблагодарил его, взял стакан, заметив на его пальце шрам от ожога. В горле у меня была реальная Сахара, и я выпил сок в два глотка. Комов сел рядом, ждал, глядя на меня искоса.

— Я готов, — проговорил я. — Сыграем, почему бы нет?

Комов удовлетворенно похлопал меня по плечу.

— Молодец. Находишь сумку — получаешь пятьсот тысяч. Срок — неделя. И запомни: никто кроме нас троих не должен знать, зачем ты здесь. Твоя легенда — она для всех в доме. Даже для моей жены. Уяснил?

— Не вопрос.

— Дело вот еще в чем... Сумка — не вся задача.

— Не понял.

— Есть еще проблема. Но она не должна тебя останавливать.

— А конкретнее?

— Слушай и не перебивай, — сухо сказал Комов. — Этот человек мнит себя ученым. Каким-то химиком-фармакологом. Определенные знания в этой сфере у него есть, да. Но себя он оценивает неадекватно. Так вот, он одержим идеей открыть супервакцину. Вроде как от половины смертельных болезней. И даже проводит химические эксперименты. Я мирюсь с его дурацкой прихотью. Даже создал ему лабораторию в подвале. Чем бы дитя не тешилось...

— Хм, забавно... — сказал я, и Комов тотчас умолк, наблюдая за мной. — А лет ему сколько?

— Примерно как мне.

— Даже так? — удивился я. — Брат, что ли?

— Я чего боюсь-то, — сказал Комов. — Изобретет тайком какую гадость. Или дом взорвет. Или отравит всех на хрен!

— Понятно, — произнес я. — Вернее, непонятно. Я-то чем могу помочь? Я ни разу не химик. Прикройте лабу на фиг, и все дела.

— Лобовые методы нельзя. И силу я к нему применить не могу. — Комов пожевал губами. — Видишь ли... Все эти его эксперименты... Они — смысл его жизни. Я не могу отнять у него эту игрушку. Но никогда не знаешь, что у него на уме. Что выкинет? На кого обидится? А если с ним что случится, я себе не прощу. В общем, ситуация деликатная, непростая. Я ни в полицию, ни к медикам не могу обратиться.

— Почему?

— Потому.

Возникла пауза.

— А-а... что же делать? — спросил я.

— Тоньше нужно, парень. Шпионаж, разведка, то да се... Импровизируй, подыгрывай. Но не дай ему переиграть себя, понял? Главное — собрать информацию. Вовремя предотвратить. И вот еще что...

Он мялся, и меня вся эта тема уже напрягала. Хотя, чего уж теперь-то? Назвался груздем... Да и пол-лимона — довод, как ни крути.

— Этот человек вообще склонен к депрессии. У него масса страхов. Он недавно вбил себе в голову, что против него в доме зреет заговор. Что я ему, дескать, враг, а не помощник. Что я устроил ему тюрьму и хочу сгноить в застенках... Он даже писал е-мейлы родственникам с призывом о помощи. В общем, полный бред, но ему этого не докажешь.

Комов снова умолк, нахмурился. Я спросил:

— Вы это к чему?

— Да будет он тебе лить в уши эту чушь! — фыркнул Комов. — Когда притреться, он тебе наплетет с три короба. Просто предупреждаю: не верь его байкам и не удивляйся. Главное, не принимай решений, не обсудив со мной.

— Не вопрос, Александр Ильич.

— Он и сумку-то выкрал поэтому, — вздохнул Комов. — Решил, что получил козырь в игре со мной. Мол, можно меня ей шантажировать. Как ребенок, ей-богу.

— А что в сумке?

— Тебя это не должно волновать. Просто принеси ее мне. Или хотя бы узнай, где она. Уяснил?

— Уяснил... Но... Страхи, депрессии, супервакцина... А если он с катушек слетит совсем?

— Не слетит! — отрезал Комов. — Отклонения есть, но в известных пределах. Считай для простоты, что имеешь дело с параноиком. Он не опасен, просто требует тонкого обращения. Иногда он сам не понимает, в какой реальности живет. Поэтому заставляет окружающих играть в его игры. Вот и подыграй ему. Стань другом, союзником. Он тебя может начать проверять на преданность и все такое... Нелепые квесты придумывать. Да ты сильно не переживай насчет его заморочек. Главное — это сумка. Остальное — по ходу. Мы с тобой план действий будем корректировать в онлайн режиме. Будешь регулярно отчитываться о ходе дел. Ну? По рукам?

Я прислушался к внутреннему голосу. Он бубнил что-то невнятное. Умыл руки, засра-нец.

Я вздохнул. Бершин смотрел на меня, сдвинув брови. Даже скучковался в кресле и ноги подтянул. Напряглась игуана, короче.

— По рукам, — сказал кто-то внутри меня надтреснутым голосом. — Могу я уже узнать, кто этот человек?

Комов медленно поднялся, взглянул исподлобья так, будто решался на что-то важное. Словно все наши договоренности вот-вот могли рухнуть. Подошел к столу, развернул ноутбук и поманил меня. Я подошел, чуя подвох.

— А теперь главное испытание, — ухмыльнулся Комов. — Ты узнаешь, кто этот человек. И тебе это может не понравиться.

— Да что ж еще-то? — сокрушенно произнес я. Внутренний голос молчал в тряпочку. — Если это Путин, которого вы выкрали, то я — пас.

— Смотри, — отчеканил Комов. — Эту запись мы перехватили, когда он переправил ее двоюродной сестре.

Комов запустил запись и отошел в сторону, открыв мне обзор.

На экране был... Комов. Комов, мать вашу! Он сидел на кровати в пижаме, сторбленный какой-то, всклокоченный и небритый. Он сбивчиво лепетал сдавленным голосом в камеру телефона: «Людочка!.. Это я... Помогите мне, Люда... Мне кажется, я погибну в этой тюрьме... Я не могу сбежать, этот Дима всегда рядом... у меня никого тут, и мне страшно... Каждый раз просыпаюсь и боюсь... Увези меня отсюда, умоляю! Я даже подумываю...»

Комов остановил запись и повернулся ко мне. Я не знал, как реагировать. Да и слова-то подходящие потерялись. Просто стоял и хлопал глазами. Внутри меня образовалась какая-то сосущая пустота. Сказать, что во мне бурлили самые разные чувства и мысли — ничего не сказать. Потом я, наконец, выдавил:

— Вы... издеваетесь, что ли?

— Ничуть, — произнес Комов, прожигая во мне дыру взглядом.

— Это же... близнец, да?

— Нет. Это... моя вторая личность. — Комов оперся о край стола и скрестил руки на груди. — Если не испугался, парень, даю пару дней на подготовку.

— Вторая личность? Это как?

— Как, как... Раздвоение личности — вот как. Про доктора Джекила и мистера Хайда не читал?

Я ошеломленно покачал головой.

— Да они сейчас и не читают, — бросил Комов Бершину. — А зря.

Смех смехом, но это был единственный раз в жизни, когда я пожалел о своих пробелах в литературе. Если это было начало игры, то первый поворот, стопудово, удался.

4

Я захлопнул папку с распечатками и со вздохом бросил ее на журнальный столик. Достала эта легенда за два дня, реально оскомину набила. Вся эта родословная, семейный быт и прочая пурга... Кто кого любил, кто кого родил. Еще и описание Твери с ее окрестностями — полный шлак. Выкручусь как-нибудь без зубрежки.

Я поймал на себе настороженный взгляд Бершина. Он сегодня был в спортивном костюме, расслабленный такой. Как-никак «день Второго». Империя без императора, короче. Бершин даже курить в холле себе позволяет в эти дни. Жучара хитрозадый.

— Вадим, пойдем, — сказал я. — Надоело. Я готов.

Бершин пыхнул сигариллой, покрутил шеей. Сгрэб бумаги со столика под мышку и встал.

— Идем, раз так, — сказал он. — Главное, не отклоняйся от легенды.

— Хорош мне мозг есть, — огрызнулся я.

— И бред его фильтруй, — процедил Бершин. Посмотрел мне на лоб. — Зажило почти. Может, обновить?

Я нахмурился, и он тут же хохотнул:

— Шутка, родственник. А тебе идут светлые волосы. Будешь потом так краситься, пра-ативный?

— Ты чего такой веселый? — спросил я. — Устроились тут, расслабились... День через день. Пользуетесь случаем, да?

— Какие мы борзые.

— Скажи... А давно это вообще с ним?

— Пару месяцев. — Бершин выпустил дым через нос. — Он операцию перенес под общим наркозом. И началось. Мы еще думали, наркоз так подействовал. Мол, пройдет. Ан нет, не прошло.

— А были случаи, когда Комов просыпался утром, а личность не переключалась?

— Второй сначала нестабильно появлялся... — Бершин говорил с неохотой, словно выдавливал из себя слова. — Потом чаще. Сейчас устаканилось. Как в аптеке, в момент пробуждения. Да не бери ты в голову, — посоветовал он. — Начнешь думать — крышу сорвет.

— Ну Первый же, если ему надо на следующий день не отключаться, может колесами закинуться и не спать? Я так понял.

Бершин смотрел так, словно выбирал, ответить или дать мне в глаз, чтоб не лез не в свои дела.

— Если надо — может... — буркнул он. — Хватит разговорчиков в строю. Погнали.

Он увлек меня к выходу, мы вышли из дома, спустились по ступеням и на минуту остановились возле изгороди. Бершин курил и смотрел сквозь кусты в сторону беседки.

В ней спиной к нам сидел Комов. Только это был другой Комов. Комов Второй. Сегодня его день. Если честно, я так и не смог убедить себя, что тема с раздвоением — не совсем фигня. Все эти два дня, пока зубрил в своей комнате эту долбаную легенду семейки Михалевых. Может, и правда, пока не увижу своими глазами, не поверю?

Бершин махнул рукой и мы потопали к беседке. Второй не оборачивался, сидел, сторбившись, за мраморным столиком. Казалось, он спал. Виден был лишь его затылок, знакомый такой затылок. На столике виднелась ваза с черешней.

В паре метров, прямо на траве в своей неизменной униформе развалился Дима. Это был личный водитель Комова Первого, которого тот сделал телохранителем-надзирателем за Вторым в дни своего «отсутствия». Дима очень напоминал Санчо своей шкафообразностью. Их на какой-то одной фабрике лепят, не иначе. Но чем-то они неуловимо отличались. Уж не знаю, как там у Димы с интеллектом — за два дня мне с ним пообщаться не довелось.

Бершин сделал Диме знак, и тот одобрительно кивнул. Уткнулся в мобильник, играл, шкафина, в игрушки. Вот работенка, блин.

Заслышав шаги, Комов обернулся, облокотившись о массивную каменную ограду. Мы с Бершиным вошли под своды беседки.

Конечно, с виду это был все тот же Комов, но стопудово в чем-то другой. Я даже не сразу понял — в чем. Небритое, унылое лицо, всклокоченные волосы. Одет в домашнюю одежду: шорты, футболка, шлепанцы. Но это были внешние признаки, а настоящие отличия сквозили откуда-то изнутри.

— Доброе утро, — сказал Бершин.

— С чем пожаловали? — спросил Комов Второй, осматривая меня настороженно.

— Игорь, — сказал я. — Михалев. Вы меня помните?

— Игорь... Михалев... — как-то безразлично повторил Комов Второй.

Голос у него был тихий и грустный, не в пример Первому. У того в голосе аж струны звенели. Неужели такое возможно?

Бершин зыркнул на меня, и я поспешно протянул Комову Второму руку. Тот вяло ее пожал, и я чуть задержал его ладонь в своей, разглядывая шрам на пальце. Мазафака, и правда тот же человек! Последние надежды растаяли как масло на сковороде.

Раздался возглас Димы «Э, э!», он вскочил с травы и скакнул к нам.

— Никаких касаний! — грозно крикнул он. — Александр Ильич, что за дела?

Комов Второй виновато выдернул руку и съежился. Снова посмотрел на меня с интересом, но поймав мой взгляд, отвернулся. Придвинул вазу с черешней и стал есть ягоды, упершись взглядом в полированную столешницу.

— Дима, все в порядке, — сказал Бершин. — Это же Игорь, двоюродный племянник Александра Ильича. Я тебе говорил.

— И что? Племянникам, что, можно? — Дима подобрался, расправил на поясе куртку и стряхнул травинки с живота. — У меня инструкции. Начальство не предупреждало.

— Ладно, ладно, — Бершин похлопал его по плечу. — Разберемся с твоими инструкциями. Отойдем, поговорим.

— Не могу, — буркнул Дима. — Знаете же.

Он был под два метра, лет ему было как мне. Я понял его отличие от Санчо: Дима был накачан как-то цивилизованно. Санчо, тот просто был лысый деревенский шкаф, а Дима — шкаф городской, ухоженный, из дорогого дерева. С нормальной прической, без этой братковщины девяностых. На поясе у Димы виднелась кобура и наручники. Жестко у них тут все-таки с этим карантинном, с арестом домашним, с инструкциями... М-да, Второму не позавидуешь.

Бершин почесал затылок и обратился к притихшему Комову Второму.

— Игорь работу в Москве ищет. Гостиница не по карману. Александр Ильич любезно разрешил ему пожить с недельку у нас. И вам не скучно будет. Надеюсь, вы не против.

— Очень смешно, — отозвался Комов Второй. — Будто меня здесь спрашивают.

Он демонстративно выплюнул косточку далеко в траву. Тогда я понял: из него таки перла обреченность. Обреченность пленника, который тупо ждет расстрела. Квест обещал быть занятным.

— Александр Ильич, — сказал я, — так вы меня помните?

Комов Второй пристально посмотрел на меня и пожал плечами.

— Садитесь, Игорь, — сказал он задумчиво. — Кушайте черешню.

Я с готовностью сел, взял ягоду из вазы, бросил в рот. Показал Бершину взглядом: мол, вали отсюда, оставь нас.

— Ну... — кашлянул Бершин. — Не буду вам мешать, родственники. Игорь... звони, если что.

Он ушел вразвалочку, насвистывая какой-то мотивчик.

Я заметил на столе возле вазы блокнот формата А4 и горсть карандашей. На листе виднелся свежий набросок особняка.

— Не знал, что вы рисуете, — сказал я.

— Как Люда? — спросил Комов Второй, как мне показалось, равнодушно.

— Все отлично. Привет вам передает.

Комов Второй выплюнул в траву еще одну косточку.

— Это сколько ж лет прошло?

— Семнадцать, — сказал я. — А я вас помню. Я тогда только в школу пошел.

— Неужели? — Он вскинул бровь. — Ну дела... Дима, — позвал он. — А как бы нам изладить бутылочку коньячку? За встречу с племянником?

Дима посмотрел на него укоризненно и покачал головой.

— Прекратите, а? — буркнул он. — Как ребенок. Все знаете и придуриваетесь.

— Ну правила могут меняться, — не унимался Комов Второй. — Инструкции твои погаемые... А что такого, если разок с племянником?

— Не я вам пить запретил. Ко мне какие претензии?

— Дима, — сказал я. — А в виде исключения?

— Вот завтра начальство разрешит — ради бога.

Комов Второй обреченно махнул на него рукой, закинул в рот горсть черешен. Шумно прожевал.

— Да и нельзя начальству коньяк, — пояснил мне Дима. — Голова у него болит потом. Не любит он коньяк.

— А я люблю, — вздохнул Комов Второй. — Слушай, Дима, а черешни ему можно? Или пронесет с утра?

Дима на секунду замер, просчитывая риски. Но, видимо, ничего насчет черешни в своих инструкциях не обнаружил и лишь недовольно отмахнулся.

— На обед скоро, — буркнул он, посмотрев на часы. — Не наедайтесь тут.

Комов Второй выстрелил в него косточкой, промахнулся. Выстрелил другой. Дима фыркнул и смиренно сделал шаг назад.

— Далеко не уходи. Сколько там метров по инструкции? — съязвил Комов Второй, но вышло это у него уныло.

Дима покачал головой, потерял интерес к происходящему и уткнулся в телефон. Надо было брать инициативу в свои руки. Клеить разговор, типа.

— Александр Ильич, как вы вообще? — спросил я, изображая заботливого племянника. — Чем занимаетесь?

— А вы не видите? — грустно усмехнулся Комов Второй. — Я — узник Бастилии. Занимаюсь отбыванием срока.

— Не понимаю... А что произошло?

Он молчал, хмурился, водил глазами по сторонам.

— А ЭТОТ вам ничего не сказал?

— Кто?

— Вы когда приехали?

— Сегодня утром. Вадим меня сразу — сюда.

— Странно, — сказал Комов Второй. — Вы лучше о себе расскажите, Игорь. Чем Люда живет и вообще.

Я решил ему подыграть, надо же было растапливать лед недоверия.

— У мамы все пучком, — сказал я. — Знаете, я нечасто у нее бываю. Я ж в Твери живу...

И «племянник» стал гнать ему всю эту лабуду про поселок под Тверью, про протекшую по весне у мамы крышу и ремонт кровли, про неурожай огурцов и клубники, про рождение близнецов у тети Веры и отстойные цены на электричку, про полный шлак с работой в обла-

сти... Может даже, я увлекся и чутка приврал. Ну, не помню я все детали легенды, каюсь. Но Комов-то все равно этого фуфла всего не знает, столько лет на родине не был...

Он слушал меня рассеянно, зыркал по сторонам, ел черешню и сплевывал косточки в кулак. Когда я добрался до истории, как покидал родное, ни разу не дворянское гнездо и искал хату в городе, Комов Второй вдруг перебил:

— Люда в последние месяцы обо мне что-нибудь говорила?

— Да нет... — «Племянник» напряженно стал вспоминать. — Ну только, что я могу попроситься пожить. А вы что имеете в виду?

— Ничего, — свернул он тему. — Вы извините... Приятно было познакомиться. — Вытянул шею в сторону телохранителя:

— Дима, пройдем-ка, голубчик, вниз ненадолго.

— Какой «вниз»? — нахмурился Дима и постучал пальцем по часам на руке. — Время обеда. Вы опять расписание нарушите, а мне влетит.

— Ничего, ничего, — Комов Второй поспешил встать. — Надо кое-что проверить. На полчаса, не больше.

Он оставил «племянника» в недоумении, взял недовольного Диму под руку и потащил в сторону дома. Даже не обернулся.

Я смотрел им вслед и снова поражался. У этой «версии» Комова отличалась даже походка. Он сутулился и мелко семенил по дорожке, опустив взгляд под ноги.

Неужели я где-то прокололся, а он раскусил мою фальшь? Заработал я его доверие или лишь спугнул? Или это причуды его характера? Или там «внизу» его реально ждали важные дела? Первый этап игры прошел с неопределенным результатом. Если он вообще прошел. Одни вопросы.

Я озадаченно съел несколько черешен и тут заметил, как из-за угла дома нарисовались двое. Один из них был в халате. Они вышли то ли покурить, то ли в пылу спора — понять я не успел. Один увидел меня и замер. А может, мне так показалось, что замер. Но в следующую секунду их уже не было, свалили, гоблины, обратно за угол.

Мне стало интересно, разыграло природное любопытство. Я сорвался из беседки, пересек лужайку и обогнул дом, выходя к заднему фасаду.

Двое как раз спускались по ступеням узкой лестницы, потом скрылись за дверью, ведущей в подвал. Метрах в двух от лестницы стоял пыльный черный минифургон.

Я прошел мимо безлюдной машины, приблизился к лестнице, заглянул вниз. Массивная металлическая дверь, мощный замок. Я прислушался к царящей вокруг тишине, осторожно спустился, потянул за ручку. Закрыто, само собой.

Тогда я вспомнил про обед. С этим делом у Первого все обстояло значительно. По высшему разряду. Квесты квестами, а обед — по расписанию.

5

Под конец обеда меня раздуло как воздушный шарик и потянуло в сон. Суп с грибами, бефстроганов с картошкой, жульены и салаты из морепродуктов больше не будоражили. Даже кофе не влезал, и ему пришлось обреченно остыть. Вот это позор на мои будущие седины! Я лениво ковырял тирамису, не торопясь покинуть столовую.

Сначала я ел в одиночестве, отняв все внимание юркой домработницы Жени — молодой девчонки. Ей не было и двадцати пяти, и похожа она была на птичку: нос острый и глаза как пуговицы. Личико, хоть и было простым и привлекательным, но интеллект на нем не проявлялся. Может, еще не время, нарстет? Видно было, что Жене дико интересно, что за жук такой появился у них во дворце. Но спросить в лоб ей не позволял не то статус, не то инструкции. Принося посуду и блюда, она пристально меня изучала, да так, что скоро на мне не осталось живого места. Все, с кем я общался во дворце, адски желали почему-то прожечь во мне дыры. Просто решето какое-то из меня сделали.

Потом приперся Бершин. Спортивный костюм он сменил на джинсы и рубашку, а волосы его были влажные — явно из душа. Неплохо он тут устроился, смотрю. Бершин высосал два стакана яблочного сока, от еды отказался, стал трепаться о прекрасной погоде во время пробежки. А сам все смотрел через стол на меня с немим вопросом в глазах. Я покачал головой и пожал плечами. Бершин спросил Женю: «А где Полина?», та прошептала, что она ей не сиделка, а поиски начинать стоит с бассейна, где, дескать, естественная среда ее обитания. Мне показалось, что это прозвучало грубовато, зато рейтинг Жени среди меня повысился. Бершин побарабанил пальцами по скатерти, посмотрел на часы, сказал: «Сгоняю в город» и исчез.

Я все ждал, когда же появится Комов Второй в сопровождении Димы, но время шло, а их не было.

Странно, а как же расписание, инструкции? Как же безупречная работа желудочно-кишечного тракта? Я уже успел понять, что условия карантина для Второго были не только ради того, чтобы он чего не выкинул, но еще и для того, чтобы дядька мой двоюродный не вздумал наплеватьски относиться с вверенному ему телу. Питание, сон, сухой закон и все такое прочее было подчинено именно этой цели. А то Второму дай волю — запустит организм. В этом отношении они с Первым тоже разительно отличались.

Когда я, отчаявшись дождаться дядюшку, собрался было отчалить в свою комнату на второй этаж и придавить подушку на часок-другой, пришла Полина. Супруга нашего, так сказать, императора.

И я невольно остался. А как иначе?

Уж очень она была хороша, кошечка такая. Высокая, ухоженная, лет тридцати пяти. Блонди, само собой. Худая как цапля, но мне такие нравятся. Полина была в этой своей пляжной одежде поверх купальника. Адским словом «парео» называется. В руках у нее был бокал с вином.

Вот люди, бухают уже с утра, чтоб я так жил! В следующей жизни реально выйду замуж за олигарха, какого бы пола я ни оказался.

Полина сняла солнцезащитные очки, стрельнула в меня зелеными глазами. Красивая, зараза. Первый умеет выбирать телочек, тут ему респект. Полина обошла стол и села рядом. При этом закинула ногу на ногу, обнажая загорелое колено. У меня аж слюна стала отделяться, а ведь я уже был сыт. Женя засуетилась возле хозяйки, позвякивая посудой.

— Добрый день, — сказал я, подбирая смесь тембров «галантный» и «восхищенный».

— Привет, привет, — отозвалась она, делая глоток вина, не сводя с меня глаз. — Вы тот самый двоюродный? Или сколько -юродный? Шести?

— Двоюродный. Как загар? Ловите, э-э... последние капли солнца? — Включил, блин, в себе поэта. На фига, сам не понял.

— Ах, ловлю... — Она заулыбалась, облокотилась на стул.

Парео спало с ее плеча, и я увидел ее грудь. Купальник не смог скрыть этой сочной прелести. У меня аж заныло внизу живота.

— Мне так и не сообщили ваше имя, — бархатным голосом сказала Полина. — Представляете? Как вас зовут?

— Ар... — Я осекся и кашлянул. — Игорь. Да-да, Игорь...

— Вы уверены? — хмыкнула она, вытягивая длинные худые руки и теребя вилку. — Двоюр-р-родный Игорь.

Она медленно облизнула губы прелестным язычком, и я вдруг понял, что она пьяна. Ну так, слегонца. Вот же цапля, семейства кошачьих.

— А почему нет Александра Ильича? — спросил я. — Они не голодны?

— Понятия не имею, — холодно сказала Полина и снова отпила из бокала.

Тут нужно было разыграть недоумение, но вмешалась птичка Женя.

— Он внизу будет обедать, — сказала она и поставила перед Полиной разогретый жульен.

Полина не среагировала, лишь проткнула вилкой сырную корочку.

— А почему не здесь? — спросил я Женю.

— Не любитель, — чирикнула Женя. — Я ему часто вниз отношу.

— Мило тут у вас, — произнес я, обращаясь к Полине. — Загадочно даже.

— Ох, тайн хватает, — вздохнула она. — Мадридский двор отдыхает.

Я смотрел на ее вздымающуюся грудь, на узкие пальцы, загорелую шею. Так хороша, блин, что ладони потеют. Ну почему мне всегда попадают овцы вроде Вики? А манекенам — цапельки?

— Вы, если хотите с ним пообщаться, — сказала Женя, — вечера ждите. Он любит внизу торчать часами. Не вытащишь. Вам чаю принести? — Она посмотрела на мой остывший кофе. — Пироженку не доели...

— Спасибо, не надо, — сказал я. — Я сейчас и так тресну.

Птичка хихикнула, сгребла часть посуды и ушла на кухню. Полина поднесла бокал к глазам, рассматривая меня сквозь рубин вина.

— Вы к нам надолго?

— Как получится, — вздохнул «провинциал из Твери». — Работу в Москве ищу. У нас с этим траблы.

— А вы кто по специальности?

— Технолог по обработке металлов. Да кому такое сейчас нужно? Я на специальности не заиклен, если честно.

— Слушайте, зачем искать? — удивилась она. — Идите к Александру Ильичу. Он что-нибудь придумает.

— Ну, не знаю даже... — «Провинциал» слегка смутился. — Как-то не думал об этом. Даже неудобно...

— Глупости какие. Хотите я с ним поговорю?

— Ну можно, в принципе.

— Если голова на плечах есть, все проще, — сказала она и поставила бокал. — У вас есть голова на плечах, м-м?

— У меня все есть.

— Правда? — Ее зеленые глаза расширились. — Божечки, как интересно.

Стоп, приказал я себе, так можно перешагнуть грань и попасть на опасную территорию. Туда, где падают планки, где тестостерон берет мозги в плен, а тело и язык пускаются в такой квест, что мама не горюй. Остановись, Тёма! Еще не время. По крайней мере, пока.

— А хотите вина? — спросила Полина. — Делать вам все равно нечего. Наш алхимик из своей подземной лаборатории нескоро выползет.

— Знаете... — Я торопливо поднялся. — Мне нужно позвонить. Приятного аппетита.

Я быстро зашагал к выходу, не оборачиваясь, хотя спиной чувствовал, как эта белокурая самка смотрит мне вслед.

В комнате я бухнулся на постель, стараясь отогнать видение загорелых прелестей Полины. Выходило плохо, а точнее — никак. Нужно было себя срочно чем-то занять. Я схватил со стола папку с легендой, но мысли не концентрировались. Прибегать к помощи рук мне не хотелось, тогда усну окончательно. Долбаный Бершин! О таких испытаниях он не предупреждал. Вот же подстава. Просто чума.

В штанах завибрировал мобильный. Номер оказался неизвестен, и я ответил осторожно:

— Да.

— Слушай очень внимательно, — буркнул в трубке незнакомый голос. — Вопросов не задавай.

— Кто это? Вы о чем?

— Ты не о том думаешь, — резко сказали мне. — Ты о себе думай! Мое дело предупредить, а там сам решай.

Очень интересно. Видения Полины растворились мгновенно. И тестостерон мигом превратился в адреналин.

— Говори, — сказал я насторожившись.

— Ты ввязался в чужую игру. Дурачок! Не представляешь, как это опасно.

— Неужели?

— Тебя разводят, Артем. Тут все не то, чем кажется!

— Я не понимаю, к чему...

— Ты не думал, что тот, кто тебя нанял, не тот, за кого себя выдает? И задание твое липовое?

— Мать твою, давай без тумана! — воскликнул я. — Не ходи вокруг да около!

— Комов, который бизнесмен... — прошипела трубка. — Он тебя использует в грязных целях, а ты и уши развесил!

— Чувак, а почему я должен тебе верить?

— Ничего ты не должен. Сам мозги включай. Только учти... Это у Первого с башкой нелады! А тебе, видать, наплели, что проблемы у химика? Ты и поверил, лошара.

— С какого фига такая забота обо мне?

— Считай, что я — доброжелатель. Не хочу, чтобы еще один дурак пострадал. Ты думаешь, тебе бабла отвалит? Обломись!

— Кто ты такой? — Я начал вскипать. Эта ахиня мне уже сильно не нравилась

— Короче!.. Думаешь, выполнишь задание и будешь в шоколаде? Я бы на твоём месте валил отсюда, пока не поздно.

— Слушай, ты, доброжелатель!.. Так дела не...

Но звонивший уже дал отбой. Я перезвонил, но, разумеется, номер был отключен. Я вскочил и стал расхаживать по комнате.

Что это было? Что?! Как там Полина сказала: «Тайны мадридского двора»? Офигеть. Кажется, я дошел до неслабой развилки квеста. Вариантов была куча, и ни один не был лучше других. Это могла быть хитрая проверка Первого, он — тот еще жучара. Это могла быть разводка Второго, о чем меня, кстати, предупреждали. А если, ёпрст, это реальное предостережение? Аноним этот сраный сказал: «Я бы мотал отсюда»... «Отсюда», а не «оттуда»! Значит, он

тут, в особняке? Ну, не догонял я целей этой хитроумной игры! Сколько ни тужился понять, только запутывался больше.

Я встал с постели и подошел к окну. Мадридский двор был залит солнечным светом и пуст. Ни единой живой души. Ни одной подсказки. Ни одной кнопки сохранения игры. Я вдруг отчетливо понял Комова Второго: соточка крепкого сейчас бы не помешала. А то и две.

6

Комов Первый мрачно потер виски, направился к бару и плеснул в стакан минералки. Сегодня он был суровее обычного, суровый такой манекен. Я не стал уточнять — почему. Кое-что о характере Первого я уже знал. Он со стаканом в руках начал расхаживать по кабинету у меня перед носом, словно маятник. Хоть бы от стены к стеллажам ходил, а то делает два шага и обратно. Раздражает нереально.

— В лабораторию, значит, не повел, — пробормотал он. — Похвастаться не захотел... Почему?

— Чем похвастаться? — спросил я.

— А я знаю? Чем-нибудь.

— Александр Ильич, да странно, что он с первого раза начнет доверять. Я не жду.

— А я жду! — вдруг рявкнул он так, что вода выплеснулась из стакана ему на руку. —

Времени у нас мало.

— Мне показалось, он в легенду не очень поверил.

— Чушь! Поверил — не поверил... Что он может знать? Он Игоря не видел с семилетнего возраста! С сестрицей двоюродной почти не общался. Помощи у нее запросил, глянь-ка! Решил, почему-то, что она, спустя столько лет... — Он замолк, играя желваками.

— Буду искать подходы, — сказал я, и он поморщился. — Вы слишком драматизируете...

— Слушай! — оборвал меня Комов Первый, останавливаясь и нависая надо мной со стаканом. — Выкручивайся, как хочешь. Только быстро!

— Быстро, — вздохнул я. — Тут бы не переборщить. Не спугнуть.

— Мы должны его опередить, а не он нас. Втирайся в доверие. Расспрашивай о прошлом.

Сочувствуй. Найди его слабую точку. Уяснил?

— Я завтра пойду в лабораторию, — заверил я. — По-любому. Что-нибудь придумаю.

— Да черт с ней, с лабораторией! — воскликнул он, и вода хлюпнулась мне на колени.

Я подскочил и чуть отодвинулся. Потрогал мокрые пятна.

— Не понял.

— Сумка важнее! — процедил Комов Первый. — Найди мне сумку, Христа ради!

Он судорожно отпил из стакана, облившись.

— Может, стоит ослабить карантин? — сказал я. — Жесткач какой-то.

— Что-что?

— Мне кажется, из-за этих ограничений у него депрессия. Если честно, его можно понять.

— Ты чего несешь?! — Комов Первый взмахнул рукой, и снова на меня полетела вода. — Да ты не понимаешь...

— Вы не могли бы не махать? А то мокро, блин...

— Что-о?!

Он уставился на стакан, перевел взгляд на темные пятна на моей одежде. В два глотка допил минералку и поставил стакан на стол.

— Я говорю, если человека так прессовать...

— Ты защищать его собрался? — перебил Комов Первый. — Он поплакался, а ты и поплыл? Я тебя предупреждал: он не прост! И не дурак! Где твоя бдительность?

— Я пытаюсь встать на его позицию.

— Не питай иллюзий! Тоже мне страдалец. Про Бастилию, поди, говорил? — Комов Первый надвинулся на меня всем телом. — Да он в пьяном виде мне однажды контракт сорвал! Файлы удалял с ноутбука. Звонил кому-то от моего имени. Информацию в интернет сливал. Пойми, он — мина замедленного действия! Вот что бы ты сделал на моем месте? А?

— Но за что он мстит? — не сдавался я. — Ведь у него в голове есть какая-то своя правда. Пойму ее и подберусь к секретам.

— Это тупик. Ничего ты не поймешь. Он живет в вымышленном мире, я же тебе объяснял. Конечно, для него все выглядит логично. Придумать себе врагов, начать сопротивление, заговоры, акции вредительства...

Комов Первый выдохнул, умолк, изучая меня. А я вдруг вспомнил вчерашний звонок доброжелателя. Кто же меня водит за нос? В любом случае, кто-то из Комовых отлично играет свою роль. Мечта больших и малых театров.

— Александр Ильич, — сказал я, — мне вчера звонили. Какой-то аноним. Говорит, валить мне надо отсюда, иначе — кирдык. Вся игра — это подстава.

На непроницаемом лице манекена мелькнуло удивление.

— Звонил? — сказал Комов Первый, и под черепушкой у него явно закрутились ролики и шестеренки. — Откуда он взял телефон, гаденыш?

— Но это был не его голос. У него могут быть союзники?

— Кто?.. Нет... — Он посмотрел на меня озадаченно. — Да нет же.

— Почему?

— Здешний народ в доме с самого заселения. Когда раздвоения и в помине не было.

— Но кто тогда?

— А я знаю? — буркнул Комов Первый и зашипел: — С-сукин сын!..

— Так, э-э... Предлагаете на звонок забить?

— А ты поверил, поди?

— Чего сразу «поверил»? Вы-то как считаете?

Он стремительно подсел ко мне на диван вплотную. Ткнул пальцем мне в грудь. Желваки так и ходили на его скулах. Нервничал манекен.

— Слушай, парень. Давай ускоряться. Срочно нужна сумка. Мне его фокусы надоели.

Что-то эта конспирация порядком заколебала. Я отчетливо почувствовал себя идиотом, слепой куклой в чужих руках. А может, и глухой вдобавок. Не послать ли в топку все их паззлы? Простой ты такой, сказал кто-то внутри. А пол-ляма? А Будда, что ему сдохнуть?

— Что в сумке? — спросил я.

— Не твое дело, — отрезал Комов Первый и хмуро уставился в пол. — Я плачу, ты ищешь. И не задаешь вопросов. Что не ясно?

— Не получится, — с напором сказал я. — Я не могу играть вслепую, поймите! В любом квесте есть подсказки.

Комов Первый молчал. Потер виски, морщась, пробормотал:

— Где этот гаденыш опять коньяк раздобыл? Дима же все досматривает регулярно.

— Что в сумке? — снова спросил я.

Он взглянул на меня пронизывающе, колюче. Как иглы вогнал в бедные мои внутренние органы.

— В сумке мое спасение, — произнес он сухо. — И его гибель. Я смогу вернуть себе нормальное существование. Избавлюсь от этого самозванца.

— Э-э... — сказал я. Мысли в башке роились будто комары над водой. — А как... Ну в смысле...

— Меньше знаешь, лучше спишь, — отрезал Комов Первый. — Я тебе уже дал подсказку. Считай, что это Кашеева игла в яйце. Знаешь, что такое игла Кашея? Ваше поколение, поди, и сказок-то не знает.

— Знает, знает, — буркнул я. — А почему он сумку просто не уничтожит?

— Вряд ли он понимает, что в ней. Но зато понимает, что она важна для меня. И просто так свой козырь не сдаст. Ладно, хватит об этом.

Комов Первый встал с дивана и замер посреди кабинета, сунув руки в карманы брюк. Смотрел на облака за окном.

— В общем, будь начеку, — сказал он. — Он будет плести всякие небылицы. Он же хочет переиграть меня, победить. Он объявил мне войну, а на войне — военные законы.

Я не реагировал, не спрашивал. Он развернулся и снова вперил в меня стальной взгляд.
— Что-то не так?

Я молчал. Само собой, не так! Но не скажешь же ему? Если я и сам не понимаю, что именно не так.

— Ты только не хитри со мной, — сказал он. — Если все же испугался, так и скажи.

— Да что вы заладили-то? — буркнул я. — Никто не испугался.

— Или если повелся на его бредни... — Комов Первый погрозил пальцем. — Начнешь ему сочувствовать... Или, не дай бог, помогать... Не советую, пожалеешь.

— Александр Ильич, не надо угроз.

Я встал. Мы стояли друг напротив друга в тишине.

Обычно я таких Комовых в подобных ситуациях посылал либо в женские, либо в мужские гениталии, и разговор кончался. Дела — делами, но запах дерьма у носа я не потерплю. А сейчас что-то мешало его послать по адресу. Нет, реально, мешало. Ну не деньги же? Что-то глубоко внутри. Шевелилось, упиралось, сомневалось... Неужели хотело понять правду? Зачем? Да кто его знает... Мне было не по себе, но что с этим делать, я не знал.

— Короче, — прервал паузу Комов Первый. — Бершин привезет микрофон. Будешь ваши встречи записывать.

— Не доверяете?

— Дурак. Помогаю тебе! — сказал он и посмотрел на часы. — Ну все. Иди думай, готовься, вечером зайди. И еще... — Он опять потер виски. — Узнай, блин, где этот гаденыш прячет алкоголь. Отдельно заплачу, ей-богу.

Он взял пустой стакан со своего стола и направился к минибару. На меня он не смотрел, и я понял, что разговор действительно окончен.

Я поспешил выйти из кабинета и в дверях столкнулся с Бершиным. Тот запыхался, почти не обратил на меня внимания и ворвался в кабинет. Я побрел по коридору, но звук их разговора за спиной заставил меня обернуться. Бершин не полностью прикрыл дверь.

Я, еле слышно ступая, вернулся. Стоял, прижавшись к стене, и слушал. Доносились обрывки фраз да сплошной бубнеж, бу-бу-бу, бу-бу-бу. Но кое-что разобрать было можно. В основном восклицал Бершин.

«Бершин: они не будут ждать до послезавтра. Они, Александр Ильич, не через день, а каждый, работают...» «Комов Первый: Ты на мозоль мне давить пришел?» Бу-бу-бу. «Бершин: ... сколько в таком режиме вы протянете? Постоянно не спать нельзя...» Бу-бу-бу. «Комов Первый: ... не нравится! Есть другие решения, Вадим?» Бу-бу-бу. «Комов Первый: партнером? Мы же оговаривали, что через три года...» Бу-бу-бу. «Бершин: ... итак по факту часть вопросов разруливаю. Пока ваша половина в бильярд режется, да порох в подвале изобретает... — Полегче, Вадим!...» Бу-бу-бу. «Бершин: А если экстренная ситуация? Надо решать, а не ждать сутки, пока вы проснетесь! Вы же помните тот случай... Бу-бу-бу... Где гарантия, что вас не заклинит? Бац однажды, и что? Кранты компании?...» Бу-бу-бу. «Комов Первый: ... не понимаю, что ли?.. Бу-бу-бу... Подумаю, не дави на меня!.. И дверь прикрой! Разорался...»

Послышались приближающиеся шаги, я отпрянул в сторону. Дверь захлопнулась, и звуки стихли. Делать мне больше ничего не оставалось, как свалить отсюда.

Думать о Комовых больше не хотелось. Перебор. После обеда подумаю. Настроение стало паршивое, словно в дерьмо макнули. И это дерьмо требовалось срочно смыть.

Я вышел из особняка и направился к бассейну. Не знаю, зачем, просто ноги сами туда понесли. Может, во мне снова заговорил тестостерон?

Полина возлежала на неизменном шезлонге под солнцем. Изящная, вытянутая, тонкая как самка гепарда. Казалось, она спала, свесив руку с пустым бокалом. Под навесом стоял столик, пара стульев, на столике — бутылка мартини и ведерко со льдом. Какая насыщенная и беззаботная жизнь у гепардов!

Я опустил на стул. Полина шевельнулась, грациозно привстала, грациозно вылила на разогретую плитку растаявший лед и грациозно протянула мне свой бокал.

— Не нальете? Будьте любе-е-зны.

За стеклами очков не было видно ее глаз. Я щедро наполнил ее стакан вермутом, кинул щипчиками лед. Она поднесла бокал к глазам, рассматривая, как солнце пробивается сквозь ледяные кубики.

— Налейте себе.

— Спасибо, не хочу.

— А чего вы хотите, м-м?

— Например, поговорить о «тайнах мадридского двора».

Она провела запотевшим краем бокала по своим изящным губам.

— О-о, тайны. Зачем они вам, Игорь? Еще спать перестанете.

Зазвонил ее мобильник, лежащий тут же на столике. Я любезно подал ей телефон, заметив вызывающего: «Комов Александр Ильич». Опаньки. Не «муж», не «любимый», не котики-зайки-крокодилы там... И фото нет. Нормально. А чего, Мадрид есть Мадрид.

— Але-е, — протянула бархатно Полина и посмотрела на дом.

Там, из окна своего кабинета на нас пялился Комов Первый, прижав трубку к уху.

— Прошу, не преувеличивай, — сказала Полина. Она слушала, и лицо ее становилось все недовольнее. — Нет, преувеличиваешь!

Внезапно она подняла бокал и демонстративно, тонкой струей вылила мартини себе под ноги. Кубики льда поскакали по плитке и нырнули в бассейн.

— Доволен? — фыркнула она. Пауза. — Хорошо, я сейчас приду.

Самка гепарда грациозно встала, сняла парео со спинки шезлонга, набросила на плечи. Я скользнул взглядом по ее загорелому бедру.

— Увы и ах, — развела она руками. Поставила пустой стакан на столик. — С тайнами пока не получится. Великий и ужасный кличет.

— Вы его боитесь? — шутливо спросил я.

Полина сняла очки, посмотрела на меня заинтересованно. Взяла со стола пачку сигарет и зажигалку. Грациозно прикурила, грациозно выпустила дым вверх.

— С чего вы взяли?

— Показалось. — И чтобы сменить тему, спросил: — Полина, а как вы... ну с ними двумя?

— В смысле?

— Вы общаетесь со Вторым? Считаете его своим мужем? — Я понял, что меня заносит и добавил: — Бестактно, да?

Полина помедлила, что-то вспоминая, обхватила себя за плечи.

— Я с ним почти не знакома, — сказала она как-то тускло. — Да и не горю желанием. И он — тоже. Я замуж, кстати, за Первого выходила. Он хотя бы на мужика похож. А тот... ну вы же его видели. Тряпка, слабак, пьянь. Мне и говорить с ним не о чем.

— Тяжело, наверное, мужа видеть через день?

Полина сдвинула брови, как бы спрашивая: а тебе-то не один ли хрен, мальчик?

— А он может играть с обитателями дома? — спросил я.

— Играть?

— Ну, розыгрыши, записки, всякая такая ерунда.

— Ах, постоянно. Он еще и клоун вдобавок. Он же так отыгрывается на всех. Думает, против него весь мир.

— Пример приведете?

Она усмехнулась, помолчала, становясь задумчивой.

— Вы просто недавно тут. Подождите, дойдет и до вас черед.

— Уже страшно, — сказал я. — Тайны, ужасы... Анонимные звонки... Полина, а вы квесты любите?

Я пристально за ней наблюдал, но она и ухом не повела. Не ответила, уронила пепел на палец и не заметила.

— Саша должен был вас предупредить. Жить у нас в доме иногда непросто.

Она вышла из задумчивости, сделала пару затяжек, затушила сигарету в пепельнице.

— До встречи, Игорь. Смотрите, не заиграйтесь. А я поговорю с ним насчет вашей работы.

— Да-да, спасибо! — «Родственник-провинциал» всплеснул руками и попятился, услужливо пропуская благодетельницу.

Самка гепарда удалялась в сторону дома, и парео развивался на ее плечах словно крылья. Фигура у нее зачетная. Подберите отвисшие челюсти. Я мечтательно смотрел ей вслед, чуя, как вместо крови по сосудам снова нагло течет тестостерон.

7

Время после обеда тянулось медленно. Дима не перезванивал, и меня это начинало вымораживать. Весь мир театр, типа, и все такое, я понимаю, но есть же пределы играм?

Я сам набрал Диму, но этот гад недовольно пробухтел что-то типа жди и надейся. Мол, Александр Ильич пока занят, не до базаров ему. Как освободится, так мне сообщат. И не надо, мол, названивать, толку от этого мало. Бесчувственное животное. Носорог.

Я даже отключился на какое-то время. Проспал, как мне показалось, час или два. Разбудил меня стук в дверь.

Это оказалась птичка Женя. Она молча протянула мне записку, прошебетала что-то типа, что она все равно ничего не знает, ее просили — она передала. И не пытайте, ничего не знаю, мое дело маленькое. Она усеменила по коридору, а я развернул листок.

Красным маркером крупными буквами было написано: «Пропуск в лабораторию — пять черешневых косточек. Предложение действует 15 минут с момента получения».

Начинается, мать вашу. И куда я влез? Почему черешневых? Почему пять? Заберите меня из этого цирка умалишенных!

Внутри стало kloкотать, но я быстро загнал возмущение внутрь. Я же знал, на что шел, в конце концов. Надо только засунуть в задницу эго и сыграть в игру. А что еще остается, если ты попал в сумасшедший дом. Думай давай, где эти несчастные кости брать. Тужься, Тёма.

Я стал тужиться и вдруг понял. Он же намекал на позавчерашнее наше знакомство. Когда сидел, жрал черешню и пулял косточками в Диму!

Я выскочил из комнаты и понесся через весь коридор вниз. Почему понесся, я и сам не знал. Можно ж было идти спокойно? Но нет, надо побежать... Эта клиника точно сведет меня с ума.

Я промчался по алее, свернул к беседке. Стал рыскать в траве, пытаюсь припомнить, куда этот чудик плевал косточками. Блин, бред полный. Со стороны на меня посмотреть — конченный идиот копается в траве. Грибы ищет. Или экскременты. Вызывайте санитаров, короче.

Три косточки я нашел быстро, а потом процесс встал. Я ворошил траву и кусты, по пятому разу обходя беседку, но без толку. То ли косточек больше не было, то ли зрение мое вкупе с мозгом перестали помогать. Не хотели, типа, быть соучастниками в этой шизе. Я стоял, тупо рассматривал косточки на ладони. Времени оставалось пять минут. И тут что-то в голове у меня щелкнуло.

Почему я решил, что надо обязательно выполнить это дебильное задание? Что Второй без косточек меня не пустит? Почему я повелся на это дерьмо? В топку!

Я отшвырнул косточки, отер ладонь о штанину и решительно двинул в дом.

В холле я вспомнил про гребаный микрофон, вытащил его из кармана. Прилепил под футболку, включил блютус и диктофон в телефоне на запись, и сунул телефон в карман. Потом скользнул на лестницу, ведущую в подвал. Прошел через тихий прохладный коридор и остановился перед серой бронированной дверью. Нажал на кнопку звонка, покосился на камеру над дверью. Спустя несколько секунд в динамике заскрежетало, и Димин голос проквакал:

— Предъяви.

— Не представляю. Открой.

— Не могу. Александр Ильич распорядился...

— Мне плевать! — выпалил я. — Или он меня впустит, или идите к черту! Я в дебильные игры играть не стану. Так и передай ему, пусть решает. Але?

Дима молчал. В динамике тихо потрескивало. Затем электрозамок зажужжал, и дверь открылась. Я протиснулся внутрь и вопросительно взглянул на этого носорога. Дима мотнул башней, иди, мол. Душа моя ликовала: неужели маленькая победа?!

Я прошел по коридорчику и через несколько шагов увидел полуприкрытую дверь в стене, откуда лился свет. Сам коридорчик метров через десять неожиданно оказался перегорожен другой металлической дверью. Замка в ней не было, очевидно, она как-то закрывалась с другой стороны. Проем и дверь возвели не так давно, судя по тому, что тон краски на стене вокруг двери отличался от тона краски на других стенах. Я свернул в проем, откуда бил свет, и сразу понял, что это и есть лаборатория.

Повсюду торчали пробирки, склянки и приборы. По стенам тянулись стеллажи с химикатами, коробками и стальными поддонами. Под бетонным потолком ярко горел светильник.

Комов Второй в сером халате стоял у стола, широко оперев руки в металлическую столешницу, вполоборота ко мне. Когда я вошел, он повернулся и скрестил на груди руки. Дима тоже вошел и замер у двери, превратившись в статую носорога.

Комов Второй смотрел на меня изучающе. Ждал. Тест, по всей видимости, еще продолжался.

— Александр Ильич, — сказал я недовольно. — Я приехал к вам за помощью, а не в квесты играть. Зачем весь этот шлак с косточками? Я вам кто?

Комов Второй забегал глазами по углам, пожевал губами, вздохнул. Надо было его добивать.

— Если я вам не по душе, извините. Но, если честно, мне очень хотелось побывать в лаборатории. Опыты всякие... Я в школе любил химию. У вас тут секреты? Не хотите со мной общаться — ну, скажите: иди, Игорек, лесом. Без этой хиромантии с косточками. Я что, дебил? Я пойму. Могу уехать, чтобы вас не стеснять.

Слова летели из меня как автоматная очередь, я и сам офигел. Ляпнул, а потом самому стало страшно. Вдруг он сейчас скажет своим тихим унылым голосом: «Уезжайте, Игорь. Так будет лучше всем». Но, слава всем богам, этого не произошло.

— Правда? — произнес Комов Второй.

— Что?

— Правда, интересно? То, чем я здесь занимаюсь?

— Конечно! — воскликнул «племянник», уже простивший выходку дяди. — Если это не секрет. А вдруг химия — мое скрытое призвание? — Меня снова понесло. — Неосознаваемое это... предназначение. Судьба, типа. Брошу свои железяки. Буду превращать как это там... вино в воду...

— Наоборот, — сказал Комов Второй.

— А? В смысле: воду в вино...

— Как у вас с работой, Игорь? — поинтересовался он. — Есть успехи?

— Так выходные же... — вздохнул «родственник». — В понедельник собеседование. На другом конце Москвы, представляете? Москва такая огромная, просто пипец!

Комов Второй молчал, снова думал. Что у него там под черепушкой крутилось?

— Я вас помню еще первоклашкой, — сказал он задумчиво. — Летят годы.

— А вы почти не изменились. — Ляпнул, чтобы хоть что-то сказать. — Дядя Саша.

Он вздрогнул, когда я его так назвал, посмотрел на меня то ли испуганно, то ли еще как — я не понял. Но что-то изменилось в его взгляде, на миг мелькнуло...

— У тебя родинка была, помню, — сказал Комов Второй. — Большая такая, на попе. Ведь так?

Озноб прошел у меня по коже. Ну вот и приплыли. Вот и сказочке конец. Палево так палево. Но зачем он это сказал? Спокойно, спокойно... Держим себя в руках!

— Я, если честно, и сам не помню, — произнес «племянник», виновато улыбаясь. — Мама, вроде, не говорила... Может, и есть родинка. А вы это к чему, Алекс... дядя Саша?

Комов Второй молчал, стоял неподвижно, словно лом проглотил. И лицо у него стало вытянутым.

— Вы думаете... опасаетесь, я не Игорь? Удостовериться, что ли хотите? — забормотал обескураженный «племянник».

Комов Второй по-прежнему молчал, смотрел на меня во все глаза.

— Я понимаю... у вас ситуация непростая... — бубнил «племянник», собираясь с духом. — Столько лет...

Я взялся за пряжку ремня.

Чего он ждет? Если я начну раздеваться, будет это плюс или минус в мою пользу? Я уже готов был блефануть, начать стаскивать штаны, медленно-медленно так стаскивать, чтобы дать ему прокачать чувство стыда, дать шанс остановить меня, одуматься... Я был к этому готов, но опять, как в ситуации с косточками, я вдруг понял: нельзя! Нельзя играть в его игру, если ты не Тёма, а Игорь из Твери! И тогда я убрал руку с ремня и сказал хриплым голосом:

— Я не хочу доказывать, что не верблюды. Не верите — и не верьте. Рад был увидеться. Маме я передам, что у вас все хорошо.

Я развернулся и шагнул к выходу из лаборатории.

— Подождите, Игорь, — подал голос Комов Второй.

Я замер. Наступал момент истины, реально наступал. У меня, наверное, в этот миг пересохло не только во рту — во всем теле пересохло.

— Подождите... Я вам верю.

Очень хотелось сохраниться, но ни одной кнопки, как назло! Я выждал положенную паузу, а потом выпустил наружу радостного и незлопамятного «племянника»:

— Спасибо, дядя Саша!

Он прыгнул к Комову Второму и возбужденно схватил его за руки. Тут же носорог, который, казалось, уснул стоя, рванулся ко мне.

— А ну назад! — рыкнул Дима, отгаскивая меня от Комова Второго.

— Дима, Дима... — залепетал тот.

— Эй, стопэ! — выпалил я в лицо Диме. — Расслабься, чувак. Тебя же предупредили обо мне. Предупредили?

— Ну, предупредили, — сказал Дима, выпустив меня. — Все равно... Поменьше контактов.

Увидев, что я больше не лезу к охраняемому телу, Дима обмяк и успокоился.

— Дядя Саша, значит, я могу остаться? Вы мне расскажете про лабораторию, про ваши опыты? Я бы с удовольствием поучаствовал. Помощь нужна?

— Не сегодня, — поспешно ответил Комов Второй. — На сегодня хватит. Устал. Идемте наверх.

Он выключил лампу над столом с реактивами, снял халат и повесил его на вешалку в углу.

— Поверьте, у нас еще будет время приобщиться к химии. И помочь мне вы еще успеете.

Сложно было понять, что это значило. Уловка или он реально устал, химик-алхимик этаким.

Мы вышли из лаборатории. Я остановился, косясь на дверь, перегородившую коридор. Спросить, что ли, что там, за стенкой? Не факт, что Второй в курсах. В памяти всплыли два гоблина, черный минифургон, лестница с железной дверью... Хрен с ним, со всем этим шлаком.

Я зашагал дальше, Комов Второй дышал мне в спину. Носорог пыхтел и топал последним, щелкая выключателями, скрипя дверями и лязгая замками. Мы вышли в пустынный холл, Комов Второй посмотрел на часы.

— Партейку в бильярд? — предложил я. — Для аппетита перед ужином.

— Устал, — Он тяжело вздохнул. — Да и насчет ужина я не уверен. Жарко.

И тогда я решил сделать ход. Будь, что будет.

— А со вчерашним звонком, дядь Саш, прикольно вышло, — сказал я и хихикнул. — Пожестче, чем с косточками.

— Звонком?

— Ну да. Тут, если честно, обстановка, как в древнем замке. Тайна-шмайна... Страхи, угрозы, всеобщие подозрения... Просто я такие розыгрыши не люблю. А так-то в тему был звонок.

— Я вас не понимаю, Игорь. Какой звонок? Какие розыгрыши?

И это меня озадачило. Я уже было понадеялся, что Комов Второй будет смущенно извиняться за глупую выходку и бубнить типа: «Вы уж простите меня, дурня...» и все такое. Но алхимик смотрел на меня, вполне искренне удивляясь и хлопая глазами.

— Мне звонили... — пробормотал я. — Предупреждали.

— О чем?

— Да так. — Я помялся. Что ж, включаем задний ход. — Дурь какая-то. Кто-то решил понагнетать обстановку.

— А... да, тут это любят. Будьте осторожнее, молодой человек.

Рассказать ему детали звонка или не стоит? Вроде бы, и ни при чем он... Но особого интереса не проявляет. А, собственно, с чего бы ему его проявлять? У него самого жизнь не сахар ни разу. Комариный рой мыслей опять стал сгущаться над болотом моего мозга.

Появился носорог, зевнул во всю пасть, спросил равнодушно:

— Куда теперь?

— В Лас-Вегас, — сказал Комов Второй.

Дима снова зевнул, профессионально пропуская дядюшкину туфту мимо ушей.

— В камеру пойдем, голубчик, — сказал Комов Второй. — Почивать желаю.

Комов Второй увлек Диму под руку, и они стали подниматься по лестнице на второй этаж. Я пошел за ними в свою комнату, нужно было подвергнуть все осмыслению. Комары гудели как ненормальные.

Перед тем как наши пути-дорожки должны были разойтись в разные крылья коридора, Комов Второй остановил меня.

— А в бильярдик мы обязательно сыграем. — Похлопал меня по плечу, ломая инструкции. — Обещаю, я вам задницу-то надеру.

Я смолчал. Что тут скажешь?

Дверь в мою комнату оказалась приоткрыта, хотя я помнил, что закрыл ее плотно. Ну, ну, поглядим, бакланы мадридские.

Я бухнулся на кровать, не зажигая свет, хотя за окном уже начинало темнеть. Что-то хрустнуло под моим телом, и я испуганно подскочил. Взял заклеенный конверт. Снаружи ничего не было написано. Почему-то в голову пришла мысль про сибирскую язву, про черную оспу и прочую фигню. Недавно в каком-то сериале видел этот трэш. Перед глазами замелькали мрачные образы: люди в капюшонах, раздувшиеся трупы на обочинах, языки пламени и жирные клубы дыма... Да ну его! Я разорвал конверт и вытащил листок с текстом. Текст был распечатан на принтере и гласил:

«Спроси у хозяина в кабинете: той ли истине он служит? Спроси у его цепного пса в будке: того ли он охраняет? Спроси у его жены на ложе любви: того ли она любит? Когда получишь ответы, найдешь то, что ищешь. Только тебе уже не будет места в этом доме. Что ты выберешь?»

Я прочел записку несколько раз. Это не помогло никак и нигде. Комары в голове гудели и гудели, сволочи. Я встал с постели и тут увидел, что крышка ноутбука открыта. Опаньки. Не в моих правилах ее так оставлять. Значится, это намек?

Я скакнул к столу, тронул тачпад, пробуждая ноутбук. Ввел пароль и сразу увидел уведомление о письме. Письмо было от неизвестного адресата. Ну еще бы! Никакого текста,

просто вложен архивированный файл «Собери паззл. zip». Я попробовал раскрыть архив, но выскочило окошко, требующее пароль на разархивацию. С минуту я тупо пялился в экран, потом сел обратно на кровать. Еще раз перечитал записку.

Возможно, я куда-то продвинулся, но вот куда? Теперь я четко осознал, что игра только началась.

Часть 2

ДРУГАЯ СТОРОНА ПАЗЗЛА

8

Комов Первый в очередной раз включил запись на моем мобильнике. Это был наш разговор с дядюшкой в лаборатории.

Мне это стало надоедать. Что он хочет, блин, такого услышать между фразами?

— С родинкой, да... Косяк. — Он покачал головой, но лицо его было воодушевленным. — Но ты справился. Так держать.

— Александр Ильич, давайте я вам скину запись. Вы потом слушайте. Я не за этим пришел.

Комов Первый воззрился на меня недовольно, остановил запись. Покосился на записку с текстом на столе.

— Ты все про это? — Он схватил листок и взмахнул им перед лицом. — Не обращай внимания.

— Почему?

— Потому! Не расслабляйся, он играет с тобой.

— А если паззл существует?

— Что-что?

— Я бы на вашем месте осмотрел кабинет. Может, какие предметы новые появились.

Комов Первый бросил записку на стол и прихлопнул ее ладонью.

— Хочешь сказать, он на самом деле хочет тебе что-то отдать?

— Я замыслы его понять хочу. Как он думает.

— Тоже мне психолог... — Комов Первый откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. — И что? Кабинет перерывать?

— Если надо, почему нет?

— Нет у него сюда доступа! Дима от него — ни на шаг, а в кабинет этому засранцу входить запрещено! Уяснил?

Я молчал. В лом было ему лишний раз напоминать, что в этой психбольнице возможно все. Я осторожно спросил:

— Дима и ночью не отходит?

— Ночью он спальню на ключ запирает, — сказал Комов Первый.

— А вдруг дубликат...

— Слушай, хватит! — выпалил он, схватил стопку документов со стола, бросил обратно. — Гадство... Ну что, что?.. — Подергал ящики — они были на замке. — Эти ключи только у меня! — сказал он раздраженно. — Ну где?

Он побегал глазами по столу, шевеля предметы. Я приблизился и заглянул под столешницу. Ничего.

Комов Первый встал, шипя, осмотрел кресло со всех сторон. Направился к подоконнику, тупо уставился на орхидеи в горшках. Я набрался наглости и стал шарить в шкафах вдоль стены. Там скучно торчали ряды папок с каким-то отчетами, книги по маркетингу и рекламе, справочники по фармакологии... Мутота.

— Ну давай, давай, — фыркнул Комов Первый за спиной. Уже тут как тут. — Каждую папку откроем, распотрошим. Я говорю тебе, дурит он тебе голову!

Я захлопнул створки шкафа, прошел к минибару, открыл его дверцы, нырнул внутрь. Там тускло поблескивали бутылки и стаканы. Зараза, ни единого предмета с наклейкой «Я первый элемент паззла». Я закрыл дверь, вздохнул. Комов Первый следил за мной с выражением глубокого скептицизма. Умудрился же как-то его нацепить на свою восковую маску.

А может, это он меня дурит, манекенина этакая? Играет со мной и наслаждается. Ждет, когда у меня терпение кончится? Вдруг это еще одна проверка? Насколько меня хватит в этом дурдоме? А если не проверка, и Доброжелатель прав... Псих тут не Второй, а Первый? Насколько этот жук сам стабилен? Башка-то у них одна физически. Я про Первого ничего не знаю. Ни про него, ни про компанию его. Чем занимаются? Откуда бабки? В памяти всплыл черный минифургон и лестница на заднем фасаде. И перегороженный коридор в подвале. Что за этой долбаной перегородкой?

— Чего притих, парень? — спросил Комов Первый.

— Думаю. — Надо ж было что-то сказать.

— Ты начинаешь ему верить. Мне это не нравится. Он на это и рассчитывает.

— Александр Ильич, а вам... можно верить?

Это вырвалось из меня само, я даже офигел от собственной наглости. Комов Первый впери в меня удивленный взгляд. И пока удивление не сменилось гневом, я поспешил добавить:

— Ну, понимаете... Я подумал, а если паззл — это ваши проверки? — Он сощурился, но молчал. — Я для вас птица непонятная. Вы вполне могли устроить мне тест. Сдамся или нет? Соберу паззл или пошлю все в топку? Так сказать, тренировочный лэвел игры...

— Что-что? — скривился Комов Первый. — Что ты несешь? Ты его бредни мне решил приписать? Сдурел?

Теперь молчал я, глядя на его лицо и пытаюсь понять: играет или реально злится?

— погоди-ка, — сказал он, подошел вплотную и стал тыкать мне пальцем в грудь. — Ты решил из дела выйти? Так, что ли? Сбежать?

— С чего вы взяли?

— Ты не юли! Если слабо дело сделать — так и скажи!

— Александр Ильич...

— Слабо?! — рявкнул он мне в лицо. — Говори!

— Не слабо! — воскликнул я, отводя его палец. — Я — в деле и сбежать не собирался! Вам, что, и вопросов теперь не задать?

Он вращал глазами и постепенно успокаивался.

— Смотря какие вопросы, — процедил он. — Запомни раз и навсегда! На кой черт мне с тобой в игры играть? Мне результат нужен. Ре-зуль-тат! Уже четвертый день пошел, между прочим! Где? Что?

— Будет, — сказал я уверенно. Не знаю, почему, кстати. — Завтра попрошусь в лабораторию. Мы движемся, Александр Ильич, движемся. Вы же слышали: он мне доверяет.

— Это хорошо, — Комов Первый смягчился. — Он пусть доверяет. А вот ты не должен! Ни ему, ни кому вообще! Только так с пути не собьешься. Уяснил?

Я кивнул, а он, ухмыльнувшись, добавил, хлопая меня по плечу:

— По-хорошему, ты и мне не обязан верить. Я плачу — ты работаешь. И вопрос ты задал, с одной стороны, справедливый. Надеюсь, я на него ответил?

— Более-менее.

— И вообще, парень... «Верю-не верю» — подход неверный. В жизни всегда есть шансы. Просто есть слабаки, которые во что-то там верят и ждут. Блюдечко с голубой каемочкой. А есть те, кто за шансы грызут глотки и прут к цели. По закону эволюции. Выживает сильный. Мне кажется, ты из таких. А? Чего молчишь? Ты куда смотришь?

А смотрел я в сторону шкафа с коллекцией Комова Первого. Туда, где за узорчатым стеклом на полке виднелась россыпь чугунных зверушек. Скромно, в углу секции между животными было нечто разноцветное — что-то, чего я раньше там не видел.

Я подбежал к шкафу, распахнул дверцу и вытащил на свет божий пластмассовую игрушку — клоуна размером с кулак. Клоун ехидно улыбался.

Комов Первый за моей спиной издал каркающий звук. Потом зашипел:

— Вот же гаденьш!.. Это на что он намекает, скотина?

— Может, на то, что его все считают... ну, клоуном? Типа, зря считаете...

Комов Первый схватил фигурку, повертел в руках, отдал мне ее обратно. Я перевернул игрушку. На обратной стороне подставки была нацарапана какая-то комбинация цифр и латинских букв.

— Что это? — спросил Комов Первый.

— Пока не знаю, — соврал я. — Но это я возьму себе.

Он посмотрел на меня с сомнением, но смолчал. Я был уверен, что надпись — часть пароля к файлу. Но манекену этого пока знать не требовалось.

— Засранец... — сквозь зубы сказал манекен. — Как это... сюда вообще...

Я покрутил клоуна в руке, потом взял со стола записку и снова прочел: «Спроси у хозяина в кабинете: той ли истине он служит?» Комов Первый вдруг повернулся ко мне со странным выражением лица. Мне показалось, на нем мелькнул испуг.

— Ты что-нибудь понимаешь? — Он снова стал тыкать пальцем мне в грудь. — Как он мог сюда проникнуть?!

Он подбежал к дверям, распахнул и заорал в коридор:

— Дима!!! Живо сюда!!!

Затем засеменял к бару, схватил бутылку минералки и стал сворачивать ей шею. Забухали шаги, и в кабинет ввалился перепуганный Дима. Замер возле порога, вращая глазами. Как псина, которую едва удерживает поводок. Или цепь, кстати. Только что язык не высунул, бульдог.

— Он тебя просил в кабинет его впустить?

— Никак нет... Зачем?

Комов Первый сорвал крышку с бутылки и метнул ее в угол.

— Ты мог забыть и оставить кабинет открытым?

— Я?.. — опешил Дима. — Никак нет.

— А как это дерьмо объяснить?!

Комов Первый вырвал из моих рук игрушку и потряс ею перед носом у Димы. Только этот бульдожина все одно ни фига не понимал, что от него хочет барин. Стоял и шевелил челюстью, как рыба, выброшенная на берег.

— Вспоминай! — прорычал хозяин и, не глядя, сунул клоуна мне.

Присосался к бутылке и забулькал, обливаясь. Сильно его, похоже, зацепило. Дима в отчаянии набрал воздуха в грудь, морща свои неприметные бульдожьи извилины, но тут вмешался я.

— Слушайте, не мучьте Диму, — сказал я. — У меня другая версия.

Дима выдохнул, облизнулся, обмяк. Комов Первый взглянул на меня так, будто всаживал стальной клинок мне под сердце.

— Говори!

Я посмотрел еще раз на него, хмурого и злого, на забывшего, как дышать, Диму, на клоуна и записку, выдержал театральную паузу и сказал значительно:

— Я думаю, у него есть союзник.

9

Время тянулось адски медленно.

После случая с игрушкой Комов Первый с Димой срочно умотали по делам в город, и мой квест тормознулся.

Я даже не успел обсудить с Первым дальнейшие места обыска: спальню Полины и комнату Димы. В том, что под будкой цепного пса Второй подразумевал комнату Димы, я не сомневался. Вот только попасть в будку не получилось. Дима всегда запирает ее на ключ, солдафон придурочный. Чтобы, видимо, его портянки не сперли. Я поскучал возле двери в Димину казарму и пошел бродить по саду, размышляя о Полине.

Как подрулить в спальню к королеве с обыском без санкции ее мужа, я тоже не представлял. Дело не двигалось, ждать было невыносимо. Я решил, что плевать на санкции, скажу цапельке все, как есть... Должна же она меня понять? Такого беспомощного и одинокого игрока в лабиринтах мадридского двора. Но и с Полиной не вышло — ее в особняке тоже не оказалось.

За обедом нахохлившаяся Женя чирикнула мне, что у хозяйки внезапно кончилась одежда, все сто восемнадцать тонн, и она срочно двинула на шоппинг в центр. Сами понимаете, к бассейну абсолютно не в чем выйти!

После сытного борща с пампушками я вернулся к себе поразмыслить над планом действий. Но зачем-то прилег, кто бы объяснил, зачем? Ну да, каждому свойственно ошибаться, как говорил ежик... Короче, уснул я и все тут. А пробудил меня грохот Диминых ботинок в коридоре и его бас.

Я продрал глаза и выскочил из комнаты. Дима удалялся, болтая по мобиле — его комната была в другом крыле, рядом с застенками дядюшки.

Дима вскрыл свою конуру и нырнул в нее. Я поспешил следом. Только бы он не залаял, а то еще не признает, не обнюхав. Я постучался, и не дожидаясь ответа, вошел. Дима возвышался посреди комнаты, а на его кровати сидела Женя.

Опаньки, забавно.

Женя аж вздрогнула всем телом, но тут же натянула служебную улыбку на свой клювик. Интересно, она умеет ходить сквозь стены, или у нее был ключ?

— Э-э... — сказал я. — Всем привет.

Женя упорхнула с кровати. Я переглянулся с ней, и она тут же сообщила:

— Я все помню. Завтра организуем.

— Что организуем-то? — Дима сдвинул брови и подозрительно посмотрел на меня и Женю.

— У нас свои секреты, — хихикнула Женя, и пока он недоумевал, попятилась к двери. — Я тогда пойду.

— Не, ну почему?.. — Дима озадаченно смотрел на нас. — Подожди... Ты чего пришел-то? — спросил он меня.

— Дело есть, — сказал я, пытаясь осмотреть убранство конуры.

Комната была — скромнее некуда. Кроме кровати и кресла в углу прямо на полу грустил телек, и стояла вешалка со столом из «Икеи». Вешалка была облеплена Диминой одежкой, словно автомобиль беженцами, а на столе валялся журнал и какая-то цветастая вырезка.

— Я тебе позвоню, — сказала Женя Диме и помахала ему перышками.

Дима что-то промышчал, протягивая к ней лапу, но она юркнула из комнаты, прикрыв дверь. Да, похоже, спалились бульдог с птичкой. Дима зыркнул на меня недовольно, вздохнул и сел туда, где на одеяле отпечаталась Женина попка.

— Ты извини, — ухмыльнулся я. — Не хотел обломать.

— В смысле? — Дима пытался изображать непонимание, но актер из него был как из Санчо стриптизерша.

— Да ты не парься. — Я дружески похлопал его по плечу. — Я никому не скажу. Даже начальству.

Он подвигал бровями и челюстью, собирался и дальше изображать из себя Безрукова с Машковым, но я тему переключил.

— Скромно ты живешь, — сказал я, направляясь к столу. — Сразу видно: армейская закалка. В каком, э-э, полке... полку... служили?

— Чего приперся, спрашиваю? — буркнул Дима, расстегивая ворот рубашки.

Я не ответил. Я стоял возле стола и смотрел на... пазл. То, что я принял за вырезку из журнала, оказалось настоящим пазлом, чтоб мне провалиться! Картонное изображение готического замка на горе было почти собрано. Две трети, минимум. Остальные кусочки пазла кучковались возле пустой коробочки, потому я их сразу и не заметил.

— Димас... — пробормотал я, не оборачиваясь. — Генерал мой, ты это откуда взял?

— Так профессор наш подбросил. Утром, вместе с журналом. Он любит всякие фокусы.

— Ты его называешь профессором?

— Типа того.

— Уверен, что это он?

— А кто еще-то?

— Ты же всегда при нем.

— Гоша, — хмыкнул Дима. — Писать и какать я хожу без него.

— А журнал зачем? — не унимался я.

— А я знаю? Чокнутый же профессор. Ты еще не понял? То косточки пуляем, то фейерверк в кухне устроим, то рисунки на стенах...

— Фейерверк?

— Да хрен с ним. — Дима откинулся чуть назад, уперев в постель руки. — Не вспоминай про него. Не его день сегодня, дай отдохнуть.

Я пошевелил пазл, поднял за край, кусочки стали отваливаться. Как же эту заразу перевернуть? Я был убежден, что вторая часть пароля написана на задней стороне этой долбаной картонки.

— Почти собрал, — похвастал Дима. — А что, прикольно. Красиво же, скажи? Замок... Это где, интересно? Альпы?

— Это все горы, которые ты знаешь?

Я поддел ногтем другой угол картинки, и отпало еще несколько кусочков.

— Э-э!.. Не ломай, алё!

— А давай шаманим заново?

Прежде чем Дима успел возразить, я бесчеловечно разломал пазл, сгреб кусочки в кулак, рассыпал по столу. Дима вскочил, стал вспухать, бульдожина, и обнажать клыки.

— Ты что творишь-то?

— Спокуха, Дима. Так надо.

— Чего надо? Кому надо? — Он навис надо мной как Бэтмен над врагами народа. — Ты чего приперся-то, я так и не понял?

— Ты же утром был в кабинете.

— В смысле?

— Дядюшка мой игру затеял. Послание мне шлет.

— Да он их постоянно шлет! Делать нечего, вот и вредит всем. На это внимание обращать еще...

— Дима, я тебя очень прошу. Помоги мне. Ну не идти же из-за этой фигни к начальству? А начальство, стопудово, тебе прикажет мне помочь.

Услышав волшебное слово, Дима завибрировал и сдупся. Стал собирать протезы своих извилин в кучу и морщить лоб.

— Ты чего хочешь-то, объясни, — уныло сказал он. — Только ходишь и ломаешь... Все кайфы...

— Пазл надо собрать, говорю.

— Сломал, теперь собрать... Трудный ты, Гоша. Точняк родственник профессора. Я схватил журнал и потряс им перед носом Димы.

— Знаешь, зачем журнал?

— Да, хэээ. У него башню снесло, вот и шизеет.

— А я знаю!

Дима умолк, почесал затылок, глядя не меня исподлобья.

— Чтобы можно было собрать пазл между страницами, а потом его перевернуть.

— На фигга?

— Потому что на той стороне — надпись. Найти ее — часть квеста.

Дима закатил глаза к потолку, издал утробный звук.

— Мне надо эту игру пройти, — сказал я. — Просто поверь и помоги.

— Да делай, что хочешь. — Дима отмахнулся и потопал к кровати. — Мне какое дело...

— Он повалился на одеяло и раскинул руки. — Я вообще спать хочу.

— Нет, чувак. Помоги собрать замок. Ты же спец. Пойми, мне реально нужно узнать, что на той стороне.

— На той стороне... — проворчал Дима, зевая. — А если там нет ничего?

— Должно быть.

— Разводит тебя профессор.

— Хочешь на спор? Ставлю тыщу рупий.

Дима оживился и снова сел. Облизнулся, понюхал воздух. Подумал секунду, рыкнул и махнул лапой.

— А, спорим.

Вот что алчность делает с людьми. Даже если они конченые бульдоги. Я довольно потер ладони, сгреб кусочки пазла в сторону и аккуратно расстелил журнал.

10

Перед дверью в спальню Полины я замялся. В надцатый раз прочел СМС с неизвестного номера: «Игорь, приходите прямо сейчас. Вы должны кое-что узнать. Полина». Почему я решил, что это Полина? Что прийти нужно в спальню? Я отгонял глупые вопросы и набирался решимости. В воображении возникла картинка, как Полина мне открывает, вся такая — у-ух! — в просвечивающем шелковом халатике, или что там носят самки гепарда в своих лежбищах? Короче, халатик не застегнут, просто наброшен на — ох, мама родная — голое тело... Она, не говоря ни слова, втаскивает меня внутрь, и мне в лицо ударяет волна запахов парфюма, тела, похоти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.